

Город-крепость

Автор:

[Райан Гродин](#)

Город-крепость

Райан Гродин

Город-крепость – лабиринт беззакония, управляемый криминальными боссами и кишаций уличными бандами. Подростки здесь работают либо наркокурьерами, либо в борделях. Либо, как Цзинь, прячутся ото всех. Но когда Цзинь выпадает шанс найти пропавшую сестру, она начинает захватывающую гонку со временем. И оно стремительно истекает.

Райан Гродин; Пер. С Англ. В. Савельевой

Город-крепость. [роман]

Ryan Graudin

THE WALLED CITY

Печатается с разрешения издательства Little, Brown and Company, New York, USA, и литературного агентства Andrew Nurnberg.

All rights reserved.

© 2014 by Ryan Graudin

© В. Савельева, перевод на

© русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

ДИТЯМ ПРЕДВЕСТИЯ, НАУЧИВШИМ МЕНЯ ВИДЕТЬ СОКРЫТОЕ

ТЬМА УКРЫВАЕТ КРЫШИ ДОМОВ, НО СЛЫШЕН В НЕЙ МОРЯ ЛАСКАЮЩИЙ ЗОВ.

- ГЕНРИ УОРДСВОРТ ЛОНГФЕЛЛО

18 дней

ЦЗИН ЛИНЬ

В Городе-крепости есть три главных правила выживания: Беги, что есть силы.
Никому не доверяй. Всегда носи с собой нож.

В данный конкретный момент моя жизнь всецело зависит от первого.

Бежать, бежать, бежать.

Лёгкие мои горят огнём, жажда воздуха. Пот щиплет глаза. Мятые обёртки,
недокуренные сигареты. Мёртвое животное, уже слишком разложившееся,
чтобы понять, кем оно было при жизни. Ковёр из осколков – разбитые пьяницами
бутылки. Всё отдельными фрагментами проносится мимо.

Эти улицы – настоящий лабиринт. Они сплетаются воедино, узкие, с расписанными граффити стенами и светящимися вывесками. В дверных проёмах виднеются люди; во тьме огоньки их сигарет светятся подобно глазам чудовищ.

Куэн с приспешниками преследуют меня стаей: яростно, быстро, вместе. Если разделятся и постараются зажать добычу, возможно, у них будет шанс. Но пока я быстрее, потому что мельче. Я могу проскользнуть в такие щели, которые они даже не заметят. Ведь я девчонка. Но они этого не знают. Никто не знает. В этом городе быть девчонкой (без семьи и крыши над головой) – смертный приговор. Прямой билет в один из множества борделей, выстроившихся вдоль улиц.

Мои преследователи не кричат. Они же не дураки. Крики привлекают внимание, а внимание – это Братство. Погоню нашу сопровождает лишь дробь шагов и тяжёлое дыхание.

Мне знаком здесь каждый закоулок. Это моя территория, западный район Города-крепости. И я точно знаю, в каком переулке можно скрыться от погони. Он совсем скоро, через пару десятков шагов. Я проношусь мимо ресторана госпожи Пак, от которого исходят тёплые, по-домашнему уютные ароматы курицы, чеснока и лапши. Вижу кресло господина Вонга, куда приходят, если нужно вырвать зуб. Дальше – лавка старьёвщика, господина Лама, вход в которую закрывает толстая металлическая решётка. Сам Лам на корточках сидит на ступеньках. Пятки прочно прижаты к полу. Он харкает, когда я пробегаю мимо, и добавляет новый плевок в большую жестянку.

На противоположной стороне крыльца, ссутулившись, сидит остроглазый паренёк и ковыряет в пластиковой миске лапшу с морепродуктами. Живот урчит, и я понимаю, как легко было бы стащить у него миску. Но продолжаю бежать.

Нельзя останавливаться. Даже ради еды.

Я так увлекаюсь мыслями о лапше, что едва не пропускаю нужный переулок. Поворот такой крутой, что легко можно сломать ноги. Но я продолжаю бежать, боком влетая в узкий проём между двумя чудовищными зданиями. Бетонные стены прижимаются к моей груди, царапают спину. Если буду дышать слишком часто, то просто не смогу протиснуться.

Проталкиваюсь дальше, не обращая внимания, как сдираю локти о грубую влажную поверхность стены. В оставшемся пространстве снуют крысы и тараканы – они давно уже позабыли, что такое страх быть раздавленными. Злые, тяжёлые шаги эхом отдаются от стен, бьют по ушам. Куэн со своей бандой беспризорников упустили меня. Пока.

Опускаю взгляд на ботинки, которые сжимаю в руке. Крепкая кожа, толстая подошва. Хороший улов. Стоил нескольких минут паники, потраченных на погоню. Даже господин Чоу – сапожник западного района, вечно корячащийся над верстаком с гвоздями и кожей – не делает такой прочной обуви. Где только Куэн достал такие ботинки? Должно быть, они из Внешнего города. Все хорошие вещи оттуда.

Сердитые крики проникают в моё укрытие, сливаясь в череду проклятий. Я вздрагиваю, и мусор под ногами приходит в движение. Неужели парни Куэна всё же нашли меня?

Спотыкаясь и падая, в переулок вваливается девушка. Дыхание её тяжёлое, по рукам и ногам ручейками стекает кровь – из кожи торчат осколки стекла и мелкий гравий. Под скользким шёлком платья можно пересчитать все рёбра. Ткань голубая, блестящая и очень тонкая. В нашем городе такое не носят.

У меня из легких вышибает весь воздух.

Это она?

Девушка поднимает голову, и я вижу густо накрашенное лицо. Только глаза на нём настоящие, живые. Они полны огня, словно девушка готова сражаться.

Кем бы она ни была, это не Мэй Йи. Не сестра, которую я ищу уже столько времени.

Я протискиваюсь дальше в темноту. Поздно. Куолка замечает меня. Раскрывает рот, будто собирается что-то сказать. Или укусить меня. Не знаю точно.

И никогда не узнаю.

Её настигают. Набрасываются, как стервятники, вцепляясь в платье, пытаюсь вытянуть из переулка. Огонь в глазах девушки разгорается ярче. Она оборачивается – пальцы согнуты, и ногти впиваются в лицо ближайшего нападающего.

Мужчина отшатывается. Четыре яркие полосы рассекают щёку. Он взывает, сыпля ругательствами. Хватает девушку за косу.

Она не кричит. Продолжает извиваться, пинаться, царапаться – отчаянные телодвижения. Девушку держат четверо, но эта битва не из лёгких. Мужчины слишком заняты попытками её удержать, что не замечают меня, спрятавшуюся во тьме переулка. Наблюдающую.

Её хватают за руки и ноги, крепко удерживая. Она брыкается, спина выгибается дугой, когда девушка плюёт обидчикам в лицо. Один из мужчин ударят её по голове, заставляя осесть на землю в зловещей, неправильной тишине.

Теперь, когда девушка перестала вырываться, есть возможность лучше рассмотреть её преследователей. На всех четверых метка Братства. Чёрные рубахи. Пушки. Татуировки и украшения в виде драконов. У одного даже на лице набит красный дракон. Монстр крадётся вверх по щеке и прячется в волосах.

– Тупая шлюха! – орёт мужчина с царапинами на щеке на истерзанную, недвижимую девушку.

– Тащим её назад, – требует тот, что с татуировкой. – Лонгвей ждёт.

Только когда они уходят – и бессознательное тело девушки подметает волосами землю, – я понимаю, что всё это время почти не дышала. Руки мои трясутся, но всё так же крепко сжимают ботинки.

Эта девушка. Огонь в её глазах. Ей могла быть я. Моя сестра. Любая из нас.

ДЭЙ

Я плохой человек.

Нужно доказательство? Могу показать свой шрам, сказать, сколько трупов на моей совести.

Даже в детстве я притягивал неприятности, будто магнит. Мчался по жизни на максимуме, оставляя за собой след из осколков: ваз, носов, машин, сердец, мозговых клеток. Побочный эффект беспечности и безрассудности.

Мама всю жизнь пыталась сделать из меня хорошего мальчика. Она обожала фразы: «О, Дэй Шин, почему ты не можешь быть похожим на брата?» и «Ты никогда не найдёшь себе хорошую жену, если будешь себя так вести!» Повторяла это снова и снова, стараясь не краснеть, а брат стоял у неё за спиной, и в позе его читалось: «Я же тебе говорил». Руки скрещены, нос сморщен, густые брови насуплены, как у щенка. Я каждый раз уверял, что, если он не перестанет ябедничать, то таким и останется, шагнёт во взрослую жизнь с проклятием моноброви. Впрочем, его это никогда не останавливало.

Отец же предпочитал страх. Он ставил портфель на пол, ослаблял узел галстука и рассказывал мне об этом месте: о Городе-крепости Хак Нам. Коктейле из самых тёмных компонентов человечества – воров, шлюх, убийц, наркоманов, – замешанном всего на шести с половиной акрах. «Ад на земле» – так называл отец это место. Настолько беспощадное, что даже солнечный свет обходит его стороной. Если я продолжу так себя вести, поговаривал отец, он сам меня туда отвезёт. Швырнёт в логово наркобаронов и воров, чтобы было неповадно.

Отец изо всех сил старался меня запугать, но ничего не добился. Я всё равно оказался здесь. Какая ирония! Я бы посмеялся, но смех – пережиток прошлой жизни. Его место в Сенг Нгои, в сияющих небоскрёбах, торговых центрах и снующих по улицам такси.

Семьсот тридцать дней. Ровно столько я заперт в этой выгребной яме всея человечества.

Восемнадцать. Столько мне осталось, чтобы выбраться отсюда.

У меня есть план – сложный и чертовски рискованный, – но чтобы он сработал, мне нужен посыльный. Очень быстрый.

Не успеваю даже наполовину прикончить полное блюдо вонтон-мейн, когда мимо облюбованного мной крыльца проносится пацан. Вот он тут – и уже нет, мчится быстрее лучших атлетов из моей бывшей школы.

– Парень опять за старое, – ворчит господин Лам, выхаркивая остатки слизи из глотки. Его вылупленные черепаши глаза вновь изучают улицу. – Интересно, кого осчастливил на этот раз? Половина лавок на нашей улице от него пострадало. Хотя мою решётку на прочность не пробует. Только покупает.

Я как раз откладываю палочки, когда мимо проносится очередная компания. Куэн – во главе своры, взгляд его сосредоточен и яростен. Его я давно уже вычеркнул из списка возможных посыльных. Слишком жесток, безжалостен и слегка туповат. Такой мне не нужен.

А вот первый пацан может подойти. Если удастся его поймать.

Ставлю недоеденную лапшу на крыльцо, натягиваю худи и пристраиваюсь следом.

Куэн со своей сворой бегут ещё несколько минут, прежде чем остановиться. Крутят головами по сторонам, задыхаются, глаза дикие. Кого бы они ни искали, удача не на их стороне.

Я замедляюсь и прячусь в полутьме улицы. Запыхавшиеся парни меня не замечают. Слишком заняты: трепещут перед царственной подгорающей задницей Куэна.

– Куда он делся? Куда, чёрт подери, он делся? – кричит бродяга и пинает пустую банку из-под пива.

Она с металлическим лязгом врезается в стену; по бетонному блоку врассыпную кидается целый выводок тараканов. Меня передёргивает. Смешно. Я столько всего пережил, столько повидал здесь, а от вида насекомых всё равно тошно.

Куэн тараканов не замечает. Он неистовствует, пинает мусор, бьёт стены, бросается на парней. Его прихлебалы отшатываются в надежде не стать очередным козлом отпущения.

Он поворачивается к ним:

- Кто дежурил?

Все молчат. Но я их не виню. Бродяга сжимает кулаки, руки его подрагивают.

- Кто, чтоб его, дежурил?

- Ли, - тоненько выдавливают ближайший к кулакам Куэна пацанёнок. - Ли дежурил.

Вышеозначенный парень мгновенно вскидывает руки в знак капитуляции:

- Простите, босс! Такого больше не случится. Клянусь.

Лидер делает шаг вперёд, наступая на дрожащего Ли. Кулаки его крепко сжаты, готовы к битве.

Я прячу руки глубоко в карманы худи. Мне жаль Ли, но не настолько, чтобы вмешиваться. Мне сейчас некогда вляпываться в чужие проблемы. На свою-то времени почти не осталось.

Кажется, Куэн собирается дать несчастному по морде. Никто не пытается его остановить. Съёживаются, ждут и пьются, как кулак старшего поднимается на один уровень с носом Ли. И замирает.

- Кто это был? А? - спрашивает Куэн. - Надеюсь, ты его увидел.

- Да, да, да. - Ли яростно кивает.

Прискорбно видеть, как он жаждет выслужиться, насколько сильно Куэн зашугал этих мальчишек. Если б они жили в цивилизованном мире - играли б в футбол, ходили в караоке с друзьями, - то, скорее всего, выбрали бы себе другого лидера. У которого больше мозгов, а не мышц.

Но мы в Городе-крепости Хак Нам. Здесь правят сила и страх. Выживают сильнейшие.

– Это Цзин. Он уже крал у нас вещи. Кусок брезента. Рубашку, – продолжает Ли. – Помнишь? Ну, тот, который явился Снаружи несколько лет назад. С котом...

– Мне плевать на грёбаного кота, – рычит Куэн. – Мне нужны мои ботинки!

Его ботинки? Я опускаю взгляд и понимаю, что громила действительно босой. От погони по замусоренным улицам ноги его в крови. Спасибо битому стеклу и гравию. Может, ещё парочке использованных шприцов.

Неудивительно, что он так рассвирепел.

Ли прижимается спиной к стене. Лицо сморщено, словно парень сейчас разрыдается.

– Я верну ботинки. Обещаю!

– Сам об этом позабочусь.

Кулак старшего бродяги заканчивает свой путь. Раздаётся громкий, ужасный звук удара костяшек о челюсть. А Куэн продолжает бить – опять и опять, – пока лицо Ли не равняется по цвету с тёмными засаленными волосами. Смотреть на это неприятно. Картина в разы противней парочки насекомых.

Я могу остановить это. Могу достать пушку и полюбоваться, как банда Куэна бросается врассыпную подобно тараканам. С каждым новым ударом у меня самого кулаки ноют и горят, но я лишь глубже заталкиваю руки в карманы.

На улицах каждый день умирают дети – жизни их обрывает голод, болезни и лезвия ножей. Я не могу спасти всех. А если буду поднимать голову и не сделаю всё необходимое, чтобы свалить за восемнадцать дней, то и сам не спасусь.

Я повторяю это себе вновь и вновь, наблюдая, как искажается лицо парня, покрываясь кровью и ссадинами.

Я плохой человек.

– Снимай ботинки, – рычит Куэн, наконец опуская кулаки.

Ли лежит на земле, хнычет:

– Умоляю...

– Снимай, пока я не выбил из тебя всё дерьмо!

Пальцы Ли дрожат, расшнуровывая ботинки, но он всё же умудряется их снять. Куэн хватает обувь и натягивает на свои кровоточащие ноги. Завязывая ботинки, он сообщает остальным прихлебалам:

– Кто-нибудь знает, где прячется этот Цзин?

В ответ все лишь качают головами и осоловело смотрят на предводителя.

– Ка Минг, Хо Вей, найдите, где он спит. Я собираюсь вернуть ботинки. – Последнее предложение Куэна больше напоминает рык.

Улица взрывается криками. Сначала я думаю, что это Ли, но избитый босой мальчишка удивлён не меньше остальных. Все, как один, обращают взгляды в другой конец улицы, крутя головами, как сурикаты, которых частенько показывали в любимом шоу брата.

Крики раздаются откуда-то издалека, оттуда, где остывает на крыльце моя лапша. Столько шума разом может означать только одно – Братство.

Пора сваливать.

Должно быть, свора Куэна решает так же, потому что парни панически принимают отступать. Прочь от криков. Прочь от Ли. И от меня.

– Пожалуйста! Не оставляйте меня! – Ли протягивает руки, его всхлипы выглядят жалко.

– В лагерь можешь не возвращаться, – выплёвывает Куэн парнишке, теперь уже изгою, и исчезает.

Я ничем не могу помочь, но гадаю, что будет теперь с ним? Если пацан такой же, как и остальные прихлебалы Куэна, значит он либо сирота, либо у родителей его нет денег даже на миску риса. Детям, у которых есть крыша над головой и горячая еда, есть чем заняться и без игр в бандитские разборки. Без родителей, без обуви, с разбитым лицом, когда зима в самом разгаре... К счастью, она нынче тёплая (как и всегда), но холод чувствуется, особенно когда у тебя нет даже носков.

Шансы у Ли не слишком высоки.

Я иду прочь, глубже натянув капюшон и по-прежнему пряча руки в карманах, пытаюсь выглядеть как можно менее подозрительным. И исчезаю в тёмном переулке, как раз когда мимо проходят члены Братства. Девушка, которую они тащат за собой, больше напоминает кровавое месиво. Волосы её распущены, волочатся по земле. Платье шёлковое, блестящее – явно одна из бордельных куколок. Должно быть, пыталась сбежать. И судя по тому, что я вижу, побег не удался.

Вонтон-мейн пытается выбраться наружу. Я проталкиваюсь дальше, в тёмные недра города, оставляя девушку наедине с её судьбой.

Я не могу спасти всех.

Цзин. С котом. В улье с населением в тридцать три тысячи человек это не так уж много, но господин Лам, кажется, его узнал. Первая зацепка. Нужно действовать быстрее, найти его до того, как Куэн пронюхает, где пацан хранит его кусок брезента. Видимо он одиночка, а это значит – учитывая, как только что поступили с Ли, – что он умён. Умён и быстр. Плюс к тому, продержался на улицах города несколько лет, а это сложно даже в Сенг Нгои, не говоря уже этой дыре.

Именно такого я и ищу. Ещё один шаг к обратному билету на волю.

Остаётся только надеяться, что он готов сыграть свою роль.

МЭЙ ЙИ

Спасенья нет.

Первые слова, которые хозяин борделя сказал в ту ночь, когда Жнецы вытащили меня из фургона – после бесконечных часов езды по ухабистой дороге в кромешной темноте. Я по-прежнему была в ночной рубашке, надетой много дней назад – в тонкой и хлопковой, с кучей дырок. Девочки, приехавшие со мной, плакали. Я же... я ничего не чувствовала. Была кем-то другим. Не той девочкой, которую выдернули прямо из кровати. Не той, кто стояла в ряду других девочек, ожидая пока мужчина с длинным багровым шрамом оценит нас. Не Мэй Йи.

Той ночью, дойдя до меня, хозяин долго стоял, рассматривая меня со всех сторон. Я ощущала, как взгляд его крадётся по коже, словно насекомые, забирающиеся в укромные места. Туда, где им быть не следует.

– Её, – бросил он командиру Жнецов.

Мы смотрели, как монеты кочуют из рук в руки. Столько денег я, дочка простого рисового фермера, не видела никогда в жизни. В десять раз больше, чем Жнецы заплатили за меня отцу.

– Спасенья нет. Забудьте свой дом. Забудьте семью. – Голос хозяина безжизнен, бесстрастен. Мёртв, как и его тяжёлые, затуманенные опиумом глаза. – Теперь вы принадлежите мне.

Именно эти слова я изо всех сил стараюсь не вспоминать, когда Мама-сан зовёт:

– Девочки.

Я сижу на кровати. Страх струится по венам, я смотрю на остальных. Нуо разместилась в изножье кровати, выронив вышивку из рук. Вэнь Кей – на ковре, Инь Ю стоит рядом с ней на коленях, заплетая в косы тёмные шёлковистые волосы младшей девочки. Инь Ю – единственная не замирает, слыша голос Мама-сан. Пальцы её продолжают двигаться, вверх и вниз, переплетая пряди волос.

Вэнь Кей застыла с открытым ртом, оборвав на полуслове очередной бесконечный, потрясающий рассказ о море. Я как раз пытаюсь представить, как выглядят волны, когда на пороге появляется Мама-сан.

Мама-сан – смотрительница, следит за нами, девушками. Она кормит и одевает нас. Она зовёт врача, когда мы боеем. Управляет борделем и распределяет клиентов. Некоторые девочки считают, что когда-то её привезли сюда так же, как и нас: в кузове фургона Жнецов. Но это, должно быть, случилось очень-очень давно, когда кожа её была ещё гладкой, а спина – прямой.

Сейчас женщина уже немолода. Лицо её всё в морщинку, взгляд отсутствующий.

– Девочки. Хозяин желает вас видеть. Сейчас же. Он закрыл салон. – Мама-сан удаляется так же внезапно, как вошла, отправляется звать девушек из трёх других комнат.

– Её поймали, – голос Вэнь Кей, самой младшей и маленькой из нас, похож на щебетанье птенца, такой же слабый и дрожащий.

Инь Ю так сильно дёргает её за волосы, что Вэнь Кей взвизгивает.

– Ни одна из вас даже не заикнётся об этом. Если Хозяин и Мама-сан узнают, что нам было известно о плане Синь... хорошо это не закончится. – Она смотрит на меня, ища поддержки.

– Мы ничего не скажем. – Стараюсь казаться взрослой, как подобает семнадцатилетней, но, по правде, чувствую я себя не лучше, чем они. Такая же испуганная, на вид бледнее рисовой лапши.

Не понимаю, почему я так взволнована. Я же знала, что это случится. Все мы знали. И пытались отговорить Синь.

Спасенья нет. Спасенья нет. Мы хором шептали ей слова хозяина, приправляя их десятком причин. Здесь у неё одежда, еда, вода, друзья. А что снаружи? Что? Голод. Болезни. Неумолимые улицы с длинными волчьими клыками.

Но её было не остановить. Я заметила это уже несколько месяцев назад, дикость, которая пылала в глазах, когда Синь рассказывала о прежней жизни. Она распространялась повсюду, зажигала её изнутри. Всякий раз, заходя ко мне в комнату, она отдёргивала алую занавеску и смотрела, смотрела, смотрела в окно – единственное на весь бордель. Она никогда не умела держать чувства внутри, как все мы. Инь Ю считает, это из-за того, что семья Синь её не продавала. Они любили дочь, кормили, учили читать, а потом вдруг умерли. Жнецы забрали её из приюта.

Синь распростёрлась на полу курительной комнаты, волосы её всклокочены, выдраны клоками, руки вывернуты назад под невыносимым углом. Я не могу понять, в сознании ли Синь и жива ли вообще, пока один из людей хозяина не вздёргивает её. Кровь, яркая, блестящая, стекает по ногам и рукам. На лице её тоже кровь, заливая щеки, спускается из уголков губ. Её платье – прелестный наряд из небесно-голубого шёлка с вышивкой цветущей вишни – превратилось в лохмотья.

Мы стоим, выстроившись в ряд, пока хозяин медленно, бесконечно обходит Синь по кругу. Когда он, наконец, останавливается, носки его тапочек повернуты к нам. Хозяин не кричит, но оттого слова его звучат ещё более устрашающе.

– Знает ли кто-либо из вас, как живётся на улицах бродягам? Как работается другим девушкам?

Мы все молчим, хоть и знаем ответ. Его Мама-сан всякий раз вдалбливает нам, если замечает на лицах пустоту. Его мы упорно пытались донести до Синь.

– Боль. Болезни. Смерть.

Слова соскакивают с языка точно удары. Закончив, хозяин подносит трубку к губам. Дым вырывается из ноздрей, напоминая мне алого дракона вышитого на его курительном халате.

– Как вы считаете, что вы будете делать там, совсем одни? Справитесь без моей защиты?

На самом деле ответ ему не нужен. Его вопрос скорее риторический, подобный тем, что папа обычно задавал за первой чашкой рисового вина. Перед тем, как

взорваться.

– Я даю вам всё необходимое. Даю вам лучшее. Единственное, чего я прошу взамен, чтобы наши гости чувствовали себя здесь желанными. Такая малость. Такая крошечная просьба.

Только то, что хозяин сам с нами разговаривает, должно холодить кровь. Нас всегда наказывает Мама-сан, шипя и ударяя тыльной стороной жёсткой мозолистой руки. В те редкие разы, когда с нами разговаривает сам хозяин, он всегда напоминает, насколько лучше живётся нам, чем обычным проституткам. У нас есть собственные комнаты, шёлковые платья, чай и благовония. Выбор блюд. Всевозможная краска для лиц. У нас есть всё, потому что мы избранные. Лучшие из лучших.

– И вот Синь, – он произносит её имя так, что у меня по коже бегут мурашки, – плюёт в лицо моего великодушия. Я даровал ей безопасность и роскошь, но она отбросила мои дары, словно мусор. Оскорбила меня. Моё честное имя.

Синь сидит у его ног, дрожащая, окровавленная. Мужчины в чёрных одеждах тяжело дышат. Интересно, насколько далеко Синь удалось сбежать, прежде чем её поймали?

Хозяин щёлкает пальцами. Его люди вчетвером вздёргивают Синь на ноги. Она, как кукла, повисает в их руках.

– Раз ты не чтילה моё радушие, нарушила правила, ты будешь наказана. Хочешь, чтобы с тобой обращались, как с обычной проституткой, ты это получишь.

Он закатывает рукава. Фанг, мужчина с алой татуировкой на лице, передаёт что-то хозяину.

Я плохо вижу предмет, зато видит Синь и испускает такой дикий визг, какой бы и мёртвого пробудил ото сна. Она оживает, пинается и вырывается так яростно, что удерживающие её мужчины не могут устоять на месте. Крики её превращаются в слова:

– Нет! Пожалуйста! Мне жаль! Я больше не убегу!

А потом хозяин поднимает руку, и я вижу причину ужаса Синь. Там, в плене сжатых полных пальцев, поблескивает игла. Шприц, полный грязно-коричневого вещества.

Остальные девушки тоже его видят. Даже Мама-сан напряжённо застывает рядом со мной. Невозможно узнать, что сокрыто внутри маленькой пластиковой трубки. Боль. Болезни. Смерть.

Синь вырывается и царапается, крики её становятся громче, в них уже не слышно слов. Но всё же мужчины сильнее неё.

Я не могу смотреть, как острый металл вонзается в её вены. Когда крики стихают – когда я, наконец, вновь поднимаю взгляд – игры уже нет, а Синь лежит на полу, съёжившись и дрожа. Тени, отбрасываемые толпящимися вокруг людьми, окружают свернувшуюся калачиком фигурку, отчего она кажется сломанной.

Хозяин отряхивает руки и поворачивается к нам.

– Первая доза героина всегда лучшая. Во второй раз удовольствие не так сильно. Но ты всё равно нуждаешься в дозе. Всё больше, и больше, и больше, пока это не станет единственным твоим желанием. Не станет для тебя всем.

Героин. Он решил сделать наркоманку из нашей умницы и красавицы Синь. Понимание сворачивается в моей груди: пустое и безнадёжное.

– Вы принадлежите мне. – Хозяин оглядывает наш ряд радужных шёлковых платьев. Он улыбается. – Вы все. Если попытаетесь сбежать, вас ждёт такая же участь.

Я закрываю глаза, стараясь не смотреть на девушку, сломанной куклой валяющуюся на полу. Стараясь прогнать из памяти слова, сказанные хозяином в ту далёкую ночь. Они тянутся вне времени, оплетая меня подобно верёвкам: Спасенья нет.

ЦЗИН ЛИНЬ

Прошло два года. Два года назад Жнецы забрали мою сестру. Два года назад я последовала за ними в Город-крепость, мечтая её найти. За это время я узнала, как передвигаться, словно призрак, и развить все свои чувства. Единственный способ выжить здесь – превзойти себя или же совсем превратиться в невидимку.

Я была невидимкой с самого детства. Мей Йи старше меня всего на три года, но именно её все и всегда замечали. Личико её было круглым и нежным. Как луна. А прямые блестящие волосы напоминали полночное небо.

Но на рисовой ферме от красоты толку мало. Она не поможет часами бродить в мутной воде и гнуть спину под палящим солнцем, срезая ряды хлещущей по рукам травы. Я знала, что всегда была сильнее Мэй Йи. И совсем не красива: с грубыми от мозолей ногами, тёмной кожей и слишком большим носом. Всякий раз, когда мама собирала мне волосы в шишку и отправляла к пруду за водой, в отражении я видела мальчишеское лицо.

Иногда мне так хотелось, чтобы это было правдой. Быть мальчишкой проще. Я была б сильнее и могла обуздать отца, когда он напивался и впадал в бешенство. Но чаще всего я просто мечтала о брате. Брате, который сам занялся бы бесконечными рисовыми полями. Брате, который защищал бы нас от пьяных дебошей отца.

И в самой глубине души мне хотелось быть красивой. Прямо как Мэй Йи. Поэтому я всегда распускала шишку. Позволяла волосам свободно падать на плечи.

Волосы я тоже потеряла, когда отец продал Мэй Йи Жнецам. Я слышала истории и знала, что девчонке в этом городе не выжить. Нож был тупым. Стрижка получилась ужасной, грубой и неровной, длиннее на одну сторону. Но с ней я выглядела так, как и хотела: голодающим, чумазым уличным мальчишкой.

Им я и стала с тех пор.

Когда я добираюсь до лагеря, содранные локти болят. Назад шла долгим путём, кружа по заплесневелым, испещрённым трубами проходам, чтобы убедиться – хвоста нет. Достаточно долго, чтобы коросты содрались и раны вновь начали кровоточить. Если не перевяжу в скором времени, они покраснеют и опухнут. Зарастать будут неделями.

Я проскальзываю сквозь отверстие в своё жалкое убежище и осматриваю пожитки. Их немного. Коробок с единственной спичкой. Промокшая, наполовину исписанная рабочая тетрадь с иероглифами, которую я стащила из сумки безответственного школьника. Два апельсина и мангостан, спёртые из храма предков. Одна простыня, тяжёлая от плесени и крысиной мочи. Один грязный серый кот, который сейчас мурчит и мяукает. Делает всё возможное, чтобы я не чувствовала себя совсем одинокой.

– Я сегодня везунчик, Чма. – Ставлю ботинки на пол. Кот крадётся через всю палатку. Трётся мордой о старую кожу и с собственническим мявком – мяуё – плюхается пушистым телом на шнурки.

Я тянусь к простыне. Придётся. Достаяю нож из-под туники и принимаюсь нарезать её на полосы, стараясь не обращать внимание на вонь, исходящую от влажной ткани.

Раньше повязки мне всегда делала Мэй Йи. Раньше. Сестра смотрела на оставленные отцом ссадины со слезами на глазах. С грустью. А пальцы казались легче пёрышка, когда она накладывала ткань. Нам приходилось использовать повязки столько раз, что на них оставались ржавые следы старой крови. Но Мэй Йи всегда убеждалась, чтобы они были чистыми. Всегда тщательно их отстирывала. Заботилась обо мне.

Но теперь я одна. А наложить повязки самостоятельно гораздо сложнее. В конце концов, мне приходится затягивать ткань зубами, борясь с рвотными позывами от вкуса и вони. Мэй Йи с ума бы сошла, узнай она, что я перевязываю раны этой старой гнилой простынёй. Что я вообще здесь.

Пойти за Мэй Йи или нет, выбора у меня не было. Она – моё всё. Без неё у меня не было причин оставаться на ферме и терпеть побои отца. Смотреть, как мать увядает подобно рисовым побегам на наших полях.

Не знаю, с чего я решила, что найти сестру будет легко. Я вообще не думала, когда запрыгивала на старый ржавый велик и гналась следом за большим белым фургоном. Не думала, когда отрезала волосы. И когда впервые попала во Внешний город и медленно, по-деревенски расспрашивала прохожих.

Теперь я понимаю, какой молодой и глупой была тогда. Считала, что могу просто зайти сюда и найти её.

Город-крепость занимает не такую уж большую площадь – всего три-четыре рисовых поля, – но он компенсирует это высотой. Дома громоздятся друг на друга, как неряшливые кирпичи, забираясь так высоко, что полностью заслоняют солнце. Улицы, которые когда-то были полны света и свежего воздуха, теперь погребены под переплетением проводов. Порой я ощущаю себя рабочим муравьём, бесконечно носящимся по этим тёмным извилистым тоннелям. Вечно что-то ищем. Но тщетно.

Но я продолжу поиски, пока не найду её. А я обязательно найду.

Чма прекращает обнюхивать новую обувь-лежанку. Его жёлтые глаза прикованы ко входу в наше убежище – огромные, широко раскрытые. Уши стоят торчком. Шерсть вздыблена. Я задерживаю дыхание, прислушиваясь к вечному мотиву Города-крепости: вдалеке рокочут двигатели; за тонкими стенами мать отчитывает ребёнка; где-то внизу в переулке завывают собаки; каждые пять минут над городом с рёвом проносятся самолёты.

Есть и другой звук. Тише, но ближе. Шаги.

Меня выследили.

Пальцы крепко обвивают рукоять ножа. Я подкрадываюсь к брезентовому пологу, страх сжимает горло. Бёдра сводит судорогой, пока я жду. Прислушиваюсь. Рука, сжимающая нож, бледнеет, дрожит.

Шаги затихают. Раздаётся голос, хриплый, с нотками сомнения:

– Есть тут кто?

Не Куэн. Но это не значит, что я в безопасности. Эти улицы – рассадник воров и пьянчуг, в любой момент готовых тебя зарезать.

– Проваливай! – Стараюсь, чтобы голос звучал как можно более гортанно. По-мужски. Угрожающе.

Через щель в брезенте я разглядываю гостя. Парень, довольно взрослый. Прислоняется к стене переулка, засунув руки в карманы и согнув одну ногу в колене. Морось, всегда покрывающая городские стены, пропитывает ткань его толстовки. Но парень этого словно не замечает. Или ему плевать.

Взгляд парня направлен прямо на брезентовый полог моего убежища. Глаза его не такие, как у большинства жителей Хак Нам. Они тёмно-карие, но совсем не похожи на дикие, яростные глаза Куэна. И на бесстрастные очи старушек, сидящих на перекрёстках и потрошащих рыбу. День за днём, одна за одной.

Нет. У этого парня глаза, как у лиса. Зоркие. Блестящие. Умные. Жаждающие чего-то. Очень, очень сильно.

С ним нужно быть настороже.

- Ты ведь Цзин, да?

Моё имя. Он знает, как меня зовут. Этого хватает, чтобы я откинула полог и, оскалившись, выскочила из палатки. Готовая к драке.

- Проваливай отсюда! - Я поднимаю нож. Вдалеке мерцают фонари, отражаются на лезвии и в глазах парня. Он даже не морщится. - Предупреждаю в последний раз!

- Я не причиню тебе вреда.

Парень отталкивается от стены. Достает руки из карманов. Они пусты.

Продолжая скалиться, я останавливаюсь. Вновь осматриваю его. Чёрная толстовка. Джинсы совсем новые, не успели даже истереться. Бледные, пустые, раскрытые руки. Я изучаю его лицо: острые скулы, плотно сжатые губы, дерзкие брови вразлёт.

- Как ты нашёл меня? - Пальцы мои до боли сжимают рукоять.

- Господин Лам сказал мне, что ты обычно бываешь в этом районе. Мне оставалось только внимательней присматриваться. И следовать за аллергией. -

Как по команде, он морщит нос и принимается яростно чихать. – Моя замена суперсиле.

Господин Лам. Я вспоминаю старого лавочника. Похож на жабу. Собирает плевки в жестяную банку. И яростно охраняет свой магазинчик с разохшейся мебелью и древними монетами.

А потом мысли мои перетекают к соседней стороне крыльца. Лапша с морепродуктами. Тот же острый взгляд, что направлен на меня сейчас.

– Ты... ты тот парень с лапшой.

– Вообще-то, меня зовут Дэй, – говорит он. – И я хочу предложить тебе работу.

– Я работаю в одиночку, – быстро отвечаю я.

Я всё делаю в одиночку: ем, сплю, убегаю, краду, разговариваю, плачу. Это проклятие второго правила: Никому не доверяй. Цена жизни.

– Как и я. – Дэй не двигается. Взгляд его прикован к моему ножу. – Но эта наркосделка иная. Для неё нужно два человека.

Я не новичок в наркоторговле. Частенько работаю на мелких наркобаронов, торгующих за спиной Братства в надежде, что их не заметят. Мне они платят хлебными корками и одеждой. Но настоящие деньги крутятся внутри борделей. В поисках сестры и повидала немало наркоманок.

– Это для какой такой сделки нужны сразу двое? – спрашиваю я.

– Для Братства.

Наркотрафик для Братства Красного дракона. От одной только мысли у меня сжимается сердце. Трепещет в судорогах, словно умирающий. Я столько всего слышала об этой банде и их беспощадном главаре Лонгвее. Как он вырезал язык человеку, посмевавшему солгать ему. Как выбил алый символ на щеке того, кто попытался обмануть его. Как прострелил голову одному из членов банды, а перед этим собственноручно порезал его ножом, наблюдая, как плоть, подобно

стружке, медленно отслаивается от тела. Как он смеялся, когда всё это проделывал.

- С каких это пор Братство привлекает к своим делам бродяг?

- На наркотрафике Сенг Нгои людей Лонгвея постоянно арестовывают. Ему легче подыскать для этого дела уличных мальчишек. Один будет посыльным, а другой останется в борделе в качестве залога.

Залог. Одно из множества слов, с которыми мне пришлось бороться, попав сюда, избавляясь от медлительного фермерского говора. Вскоре я поняла, что оно означает «заложник». Ждать, ждать, ждать с ножом у горла. Когда жизнь твоя зависит от того, насколько быстры ноги другого мальчишки.

- Ты хорошо бегаешь, - говорит Дэй. - Мало кому удаётся удрать от Куэна.

- Значит, я посыльный. А ты сидишь. Не боишься ножа Лонгвея?

Мой собственный нож по-прежнему рассекает воздух между нами.

- Не-а. Платят хорошо. - Дэй кивком указывает на драные края брезента, укрывающего моё убежище. - Кажется, тебе не помешала бы работа.

Он прав. Хорошая плата означает, что я смогу потратить время на поиски сестры, а не таскать еду и одежду. Но связываться с Братством - плохая затея, даже ради одной сделки.

И раздумываю я сейчас лишь по одной причине. Лонгвей самый влиятельный человек во всём Городе-крепости, главарь Братства Красного дракона. Его бордель - самый большой в городе. Туда невозможно попасть. Его девочки обслуживают важных клиентов, могущественных и влиятельных людей из Внешнего города. И это единственный крупный бордель, который я ещё не проверила.

Возможно, это мой единственный шанс попасть внутрь. Найти Мэй Йи.

– Но кажется, тебе такая работа не нужна. – Кончик моего ножа указывает на прямые белые зубы. На одежду без дыр. Даже от его позы несёт деньгами. – У тебя всё не настолько плохо, чтобы рисковать жизнью.

Дэй пожимает плечами.

– Внешность обманчива. Так ты со мной или нет?

Мне стоило бы отказаться. Вся эта ситуация противоречит второму правилу. Никому не доверяй. Но если скажу «нет», он уйдёт. Найдёт того, кто согласится на этот безумный забег. Я потеряю шанс найти сестру.

Деньги не стоят того, чтобы рисковать жизнью. Или доверять незнакомцу.

Но Мей Йи стоит.

Брезент у моих ног приподнимается, и из-под него высовывается серая голова Чма. Кот щурит на Дэя ядовито-жёлтые глаза. Я тоже осматриваю парня. Ни дракона Братства. Ни украшений. Ни татуировок. Лишь блестящий шрам, змеящийся по предплечью. След от ножа. Слишком уродливый, чтобы было иначе.

Дэй ловит мой взгляд и сильнее натягивает рукава толстовки, пряча шрам.

Чма подкрадывается к нему, обвивается вокруг ног, словно шарф. Оставляет на добротных джинсах куски серебристого меха. Его пушистый хвост поднят трубой, радушно приветствует гостя. Покружив немного, Чма устраивается поверх ног парня и с очередным собственническим мявком подворачивает под себя лапы.

Если кот ему доверяет, полагаю, и я могу.

Пока.

– Похоже, ты нашёл нового друга, – киваю я.

Внезапно Дэй взрывается адским сопливым чихом. Что там плевки господина Лама! Он вскидывает руки к лицу, но уже поздно: только полностью заляпанное соплями лицо может сбить спесь с настоящего бродяги.

Я опускаю нож.

– Когда бежать?

Дэй начисто вытирает лицо и засовывает руки глубоко в карманы. Чма удобней устраивается на ботинках парня. Мурчит.

– Заход через два дня. Через четыре часа после заката. Встречаемся у борделя Лонгвея.

– Я в деле. – Вот и всё. Второе правило нарушено. Я доверилась парню со шрамом на руке. Со странной жаждой в глазах. Всё ради сестры. – Но шестьдесят процентов мои.

– По рукам, – выпаливает он быстро и как-то отчаянно. И глазом не моргнув.

Надо было требовать семьдесят.

– Надеюсь, ты явишься, Цзин. Иначе...

– Я приду, – уверяю я.

Дэй кивает и разворачивается, осторожно стряхивая кота с насиженного места. Я смотрю, как он уходит, и тяжело вздыхаю. Облегчённо, но устало. Теперь, когда Дэй нашёл моё убежище, придётся снова переезжать. Все мои тайны, весь ужас рассеиваются в холодном воздухе. Туманные и молочно-белые. Как кожа моей сестры.

Когда облачко пара исчезает, парня уже нет. Я стою в зеве своего переулка и ещё крепче, чем прежде, сжимаю в руке нож. Снова одна.

МЭЙ ЙИ

Удивительно, что потеряв столько крови, Синь так отчаянно боролась. Больше она не сопротивляется. Тело мёртвым грузом повисает в наших с Инь Ю руках и мы задыхаемся, когда, наконец, дотаскиваем Синь до постели.

Руки мои в крови. Вытягиваю их перед собой, долго, пристально смотрю на яркие разводы. С ними приходят воспоминания. Ужаснейшие кадры из прежней жизни.

Когда отец не работал в поле, он падал на раскладной стул, сжимая в руках бутылку чего покрепче. Вся семья прекрасно знала: после третьей откупоренной крышки нужно быть осторожней. Так он проводил большинство вечеров, безвольно свесив руки и ноги, напоминающие дохлую рыбу. Но если отец бодрствовал, кожа наша расцветала багровым, изнывала от боли под его ударами.

Глаза Цзин Линь неотрывно следили за стулом отца. Её он всегда бил сильнее всех, потому что сестра не могла просто лежать и стоически терпеть удары. Она боролась, неистово молотя тоненькими ручками и ножками, будто дерево, попавшее в тайфун. Иногда ей даже удавалось попасть по отцу. Он свирепел и колотил Цзин Линь ещё ожесточённей. Мне кажется, она делала это специально. Специально вызывала ярость отца на себя. Сорвавшись на Цзин Линь, он никогда не бил нас с матерью.

Пока я погружена в мысли, Инь Ю успевает выйти и вернуться с серебряной миской, полной воды. Я окупываю руки, чужая кровь сходит с пальцев и, кружа, опускается на дно, подобно огню феникса.

Я надеялась, что хотя бы здесь, больше не увижу кровь.

Беру льняную тряпку и принимаюсь за работу. Пытаюсь очистить всю грязь, глубоко въевшуюся в раны Синь.

– Ей повезло, что хозяин обошёлся без ножа, – говорит Инь Ю.

Повезло. Всё внутри противится этому слову, но я понимаю, что она права.

– Лонгвей не стал бы её уродовать. Он хочет, чтобы Синь продолжала работать.

Наркобарон хочет получить от смазливой мордашки максимум прибыли. И неважно, парит ли она в неведомых далах от дозы героина или нет. Он будет её выжимать, выжимать, выжимать, пока не выцедит всё до капли. Пока не останется лишь пустая оболочка.

Так бывает всегда.

– Зачем ты это сделала? – шепчет Инь Ю, удерживая подругу. – Зачем убежала?

В ответ тишина. Синь смотрит в потолок пустым, бессмысленным взглядом. Никогда не видела её такой. Сколько мы знакомы, Синь всегда была полна энергии. Вечно рассказывала какие-нибудь истории, таскала сигареты из карманов клиентов, учила нас ругаться на странном рокошущем языке, который звала английским. Даже по утрам, когда все девочки пытались урвать лишний час сна, она бодрствовала с книгой в руках. Читала.

Теперь единственными признаками, что Синь ещё жива, стали грудная клетка, болезненно вздымающаяся и опадающая при каждом вздохе, и пылающие щёки.

Мои руки порхают, будто колибри. Пальцы выуживают большой кусок изумрудного стекла из костлявой коленки Синь. Кровь на её теле уже начала засыхать, рисуя странные змеящиеся узоры на белой коже. Влажной, порозовевшей тряпкой я начисто их смываю.

Мы не ожидаем, что Синь вдруг начнёт говорить.

– Я должна была увидеть.

– Увидеть что? – Инь Ю не упускает возможности спросить.

– Свободу. Жизнь б-без стен. – Слова Синь сливаются, тянутся, как растаявшая ириска. Голос её ласков, туманен, рассеян. Точь-в-точь как взгляд.

Мы с Инь Ю переглядываемся. Потом вновь смотрим на неё. Я не понимаю: разве «увидеть свободу» стоит ран на её теле, стоит иглы под кожей? Почему она готова была пожертвовать ради этого жизнью?

Инь Ю задаёт вопрос за меня:

– Оно того стоило?

Тишина.

Вдалеке раздаётся крик. Отрывистый, короткий, он замолкает, едва рождаясь. Отчего-то я знаю, что он принадлежит Маме-сан, хоть и не понимаю этой странной уверенности. За два года, проведённых в этом месте, я ни разу не слышала, чтобы она так кричала.

Не только Синь сегодня наказывают. Мы все заплатим за её ошибку.

Наша подруга прикрывает глаза – веки, что тоньше рисовой бумаги, трепещут, как крылья бабочки. По тому, как она запрокидывает голову, становится ясно, что героин полностью захватил власть над разумом. Губы Синь растягиваются в улыбке, которая выглядит странно на заляпанном кровью лице.

– Это конец, – бормочет она. – Как он прекрасен.

От тона её голоса плечи мои поникают. Инь Ю продолжает крепко удерживать Синь. Я отматываю длинную полосу белого бинта и принимаюсь оборачивать им розовую, израненную плоть.

В дверях появляется тень. Лицо Мамы-сан выдаёт напряжение и усталость. Макияж её свеж – никогда прежде не видела, чтобы она так обильно красилась. Несложно догадаться, что скрывается под толстым слоем пудры и краски: фиолетовые зародыши синяков или свежие сочащиеся раны – остатки ярости хозяина.

Пару мгновений она не движется, заполняя дверной проём измождённой, фальшивой красотой. Решительные, полные боли глаза изучают Синь: перевязанные руки, встрёпанные волосы и отрешённое, затуманенное наркотиком лицо.

– Они поймут вас. Так было и будет всегда. – Мама-сан смотрит на Синь, но слова её предназначаются нам. Надломленные, раскрошенные лучше

кокаинового порошка.

Но когда Мама-сан отводит взгляд от нашей подруги, словно выныривает из сна, то вновь становится самой собой, жестокой и неумолимой.

– Уйдите от неё.

Мы оставляем полураздетую Синь на кровати. Мама-сан возвышается в дверном проёме, дожидаясь, пока мы проскользнём мимо, и запирает комнату.

– Отправляйтесь к себе и ждите, пока вас не позовут. Всем девушкам теперь позволено выходить из комнат только по делу.

Девушкам, у которых есть эти дела. Таким, как Нуо, дарящая гостям хозяина наркотическое забвение струнами своей цитры, или Инь Ю, по щелчку пальцев поджигающая трубки и разливающая по бокалам сливовое вино. У меня же нет дел, ради которых необходимо выходить из комнаты.

– Как долго? – спрашиваю я.

– Столько, сколько потребуется. – Голос Мамы-сан хлещет, словно плеть, отсекая все возможные вопросы. – У него хорошая память.

Я никак не могу выкинуть из головы лицо хозяина. Каменно-холодное и непреклонное. Лишённое злобы. Лицо человека, в душе которого давно умер любой намёк на прощение и милосердие.

Мама-сан права. Мы здесь очень-очень надолго.

Слова Синь ещё несколько часов крутятся у меня в голове. Вновь и вновь: конец, конец, конец. Их холод пронизывает до костей, понижает температуру в спальне. Так хочется спать, но каждый раз, закрывая глаза, я вижу кровь и иглы. Они вытесняют всё остальное.

Я всё ещё дрожу, когда приходит посол Осаму.

Меня можно назвать счастливицей. Многим девушкам, например, Инь Ю, приходится ублажать трёх-четырёх мужчин за ночь. Посол – мой единственный клиент. Он щедро платит нашему хозяину за услугу: хранить меня только для него одного. Не знаю, почему из всех девочек он выбрал именно меня. Просто в один прекрасный день посол перестал смотреть на других девушек и оградил меня от взглядов других мужчин.

Я только его – драгоценная и загнанная в угол.

Посол не так ужасен, как те мужчины, что прежде делили со мной постель. Он не бьёт меня. Не кричит. Не смотрит с таким выражением, словно я жвачка, прилипшая к подошве его ботинок. Вместо этого он уверяет, что я прекрасна. И каждый раз, приходя, дарит цветы. Яркие, благоухающие частички счастья.

Сегодня они, как младенец, уютно устроились в его руке, фиолетовые лепестки выделяются на угольно-чёрном рукаве его отглаженного костюма. Никто из нас не произносит ни слова, пока он выдёргивает из вазы букет завядших роз. Лепестки их облетают, падая на стол иссохшими клочками пергамента. Одним широким взмахом посол смахивает старый букет на пол.

Он снимает смокинг, прежде подойти к кровати, где, вся дрожа, сижу я.

– Извиняюсь, что меня не было так долго. – Когда посол садится, кровать сотрясается. Матрас прогибается под его весом, и я скатываюсь ближе. Жар его тела нагревает воздух между нами, напоминая, как сильно я замёрзла. – Я был в разъездах.

Пытаюсь улыбнуться, но губы сковала невероятная тяжесть. Из головы не выходят дикие крики и бессвязное бормотание. Звуки, срывавшиеся с губ Синь.

– Что случилось, Мэй Йи? – В устах посла моё имя кажется чужим. Мне понадобилось несколько недель, чтобы начать понимать его странный, рубленый акцент.

Тёмные глаза впиваются в меня. Беспокойство на его лице искреннее, оно виднеется в каждой тонкой морщинке на коже. В круглых щеках и подбородке, благодаря которым посол всегда казался мне похожим на панду.

Он едва касается пальцами моей руки, но даже это прикосновение кажется обжигающим.

- Мне ты можешь рассказать.

Все события последнего дня рвут меня изнутри. Слова слетают с губ:

- Одна из девушек... она пыталась сбежать. Хозяин наказал её.

- И ты из-за этого расстроилась?

Я киваю. Вопрос кажется глупым, но он же не знает, его там не было. Он не слышал криков Синь. Не смывал запёкшуюся кровь.

- Не нужно переживать. Ты хорошая девочка. Примерная девочка. Лонгвею не за что тебя наказывать. - Посол ближе притягивает меня к себе, и наши бёдра соприкасаются. - Я скучал по тебе, - говорит он.

- Я тоже скучала, - отвечаю я, потому что знаю: он хочет это услышать. Но на самом деле последние недели я скучала только по аромату свежих цветов, которые он приносит.

Посол склоняется ко мне. Так близко, что я чувствую его дыхание. Тяжёлое, с ароматом имбиря, кунжута и мёда. Желудок мой урчит, но он, кажется, этого не слышит. Слишком увлечен прикосновениями, запутываясь пальцами в волосах, прижимая меня к своей груди.

Вот по этому я не скучала.

Широко открытыми глазами я смотрю мимо его посеребрённого сединой виска. Там, на стене, висит полка с книгами, которые я не умею читать, и искусственная орхидея с жёсткими вечнозелёными листьями. На самом краю полки стоит статуэтка золотого кота. Я смотрю в его зелёные глаза, на иероглифы на его груди - по словам Синь они приносят удачу. И считаю усы, вновь и вновь. Их двенадцать.

Двенадцать. Двенадцать. Двенадцать.

Число крутится в голове. Снова, и снова, и снова, пока не становится единственным рокошущим в мыслях словом, всеми силами пытающимся меня отвлечь.

Двенадцатьдвенадцатьдвенадцатьдвенадцатьдвенадцать.

Закончив, посол откидывается на кровать, дыша, как загнанная лошадь, галопом промчавшая пять сотен ли. Его грудь – пупырчатая и упругая, как у ошипанного цыплёнка – вздымается и опадает в бешеном ритме. А щёки такие же красные, какими были увядшие розы.

Я лежу, не двигаясь, и смотрю на потолочные плитки. Девушка, которая жила здесь до меня, разрисовала потолок крошечными золотыми звёздочками. После долгих месяцев разглядывания я вижу их даже с закрытыми глазами. Знаю искусственные созвездия лучше настоящих звёзд, которыми мы с Цзин Линь всегда любовались в окно спальни. Звёзд, которые венчали горы и орошали светом рисовые поля. Которые действительно сияли.

Я смотрела на них ради этого сияния. Небесные драгоценные камни, серебристые, мерцающие и прекрасные. Цзин Линь смотрела на них ради названий, историй. В детстве мама рассказывала нам о звёздах всё, что знала сама. О Белом западном Тигре, показывающемся на небе, когда листья на деревьях гинкго желтеют и опадают. О Лазурном восточном Драконе, встречающем первые весенние побеги.

Но Цзин Линь было мало маминых историй. Она продолжала любоваться на звёзды, интересоваться ими с бесконечной жадой, которую я никогда не могла понять. Задавала вопросы, на которые у нас не было ответов.

Ближе всего мы с сестрой были, когда наши восторги сталкивались и на небе появлялись падающие звёзды. Цзин Линь всегда замечала их первой. Её взгляд был острее, быстрее замечал мерцающий в темноте свет. Дыхание ускорялось, становясь порывистым и восторженным, и она указывала туда, где небо сливалось с землёй. Дёргала меня за руку.

– Скорей, Мэй Йи! Загадывай желание!

Я всякий раз хмурилась и всматривалась во тьму. В душе моей таилось столько разных желаний. Невозможно было выбрать какое-то одно.

– Я не знаю.

Моя маленькая сестрёнка вздыхала, резко, остро, как умела только она.

– Чего тебе хочется больше всего на свете?

Я не знала. Никогда не знала. И вместо ответа задавала тот же вопрос ей. Пальцы сестры, полные удивительной силы, сжимали мои.

– Хочу, чтобы мы с тобой всегда были вместе. Подальше отсюда. Подальше от боли.

Посол кладёт на меня руку, спугивая воспоминания о голосе сестры, словно дикую кошку. Жар его больше меня не пугает. Он повсюду, обволакивает меня своей тяжестью, словно одеяло.

Мы лежим так долгое время. Кожа к коже, под фальшивыми звёздами. Звёздами, ни одна из которых никогда не упадёт.

16 дней

дэй

Я не верю в призраков, как бабушка, которая каждое утро на рассвете стояла на коленях в зале предков с дымящейся палочкой благовоний в руках и подношениями в виде апельсинов и рисовой водки. Я всегда считал, что глупо напрасно тратить фрукты и хорошее пойло на мертвецов. На тех, кто молчалив, кто давно уже мёртв.

Но его дух преследует меня.

Брат приходит ко мне во снах. В одном и том же кошмаре, который я вижу каждый раз, закрывая глаза. «Ночь, которая изменила всё» крутится на повторе. Голос брата гроыхает и жалит, ничуть не изменившись за годы смерти.

– Не делай этого, Дэй. Ты не такой. – Он всегда настигает меня, вцепляется в край толстовки. Пытается остановить. – Ты хороший человек.

А потом появляется кровь.

Очень много крови. На моих руках. На его теле. Она льётся, хлещет абсолютно невероятным образом. Как в старых мультфильмах, которые мы смотрели в детстве, где красная волна плещет фонтаном. Я пытаюсь остановить её, держу брата за руку. Тепло его последнего вздоха закручивается в зимнем небе подобно вопросу. Неправильный знак. Жизнь должна завершаться иначе. Твёрдой точкой. Не так...

Я просыпаюсь, сердце дико стучит, а грудную клетку сдавливает болью. На старом белом кафеле нет ни капли крови. Лишь нарисованные мной линии, ровные и угольно-чёрные. Линии, которые я день за днём стираю, размазывая пальцами.

Сажусь, смаргивая остатки кошмара.

Ничего не изменилось. Шрам по-прежнему на месте. Брат мёртв. Я заперт в ловушке Хак Нама, а на стене осталось шестнадцать линий, намекающих, что скоро – ох, как скоро – время моё выйдет.

В глубине души мне не верится, что пацан придёт. Прислонившись к стене, я стою напротив борделя Лонгвея и нервно барабаню пальцами, отсчитывая секунды. Йетиподобный громила-охранник заслоняет вход, следя за мной сквозь щёлочки глаз.

Пытаюсь его игнорировать, сосредоточенно рассматривая бумажные фонарики, висящие над входом. Их алое свечение сливается с драконом, вырезанным на двери. Символ Братства: зверь цвета судьбы и крови, нарисованный на стене каждого здания в Хак Нам. Напоминание, что всё здесь принадлежит им. И все.

Минуты всё тянутся, и я начинаю подозревать, что пацан оказался слишком умён. Должно быть, унюхал опасность. Пальцы мои отбивают дробь быстрее праздничных барабанов, когда Цзин, наконец, выскакивает из теней.

Возможно, всему виной дрожащий свет фонарей. Или остатки кошмара, ещё застилающие глаза. Как бы то ни было, лицо мальчишки поражает меня. Тревожное, с резкими чертами. Идеальный коктейль волнения и жестокости.

Прямо как у брата.

– Что-то не так? – Цзин ступает в одинокое пятно света, и наваждение пропадает. Сходство с братом растворяется, сминается, как калька. Передо мной стоит простой уличный мальчишка. Взгляд его тяжёлый и недоверчивый. Руки крепко скрещены на груди.

– Нет, ничего. – Я сглатываю воспоминания (сiju на стабильной диете насильственной амнезии) и отлепляюсь от стены. – Идём. Не стоит опаздывать.

Охранник-йети отходит в сторону, и дверь в логово дракона распаивается, пропуская нас. Клубы опиумного дыма – сладкого, землистого, терпкого и удушливого – плывут по коридору мимо запертых дверей.

Я задерживаю дыхание и скидываю обувь, добавляя её к ровному ряду тапочек и кожаных туфель на мраморном крыльце. Цзин замирает у меня за спиной, рот его кривится, когда пацан опускает взгляд на свои ботинки.

– Ничего с ними не случится. В ином случае я куплю тебе новые за свой счёт. – Обещания легко срываются с губ, лишь бы заставить пацана пошевелиться. Мы и так почти опоздали, нельзя, чтобы Лонгвей что-то заподозрил. – По размеру.

Наконец-то мальчишка разувается. Мы идём по коридору в сторону салона.

Здесь дым становится гуще. Вокруг ковра расставлены длинные диваны, которые сейчас занимают лучшие бизнесмены Сенг Нгои. Костюмы их мяты, невидимая опиумная тяжесть придавливает руки к полу. Уверен, место это не настолько шикарно, каким пытается выставить его Лонгвей. Всё здесь отдаёт

позёрством, кажется выцветшим. Один уголок ковра истрепался. Обивка диванов покрылась пятнами от дыма. На алых с золотом гобеленах полно дыр. До той ночи, которая изменила всё, я бы назвал это место дырой. После двух лет гигантских крыс и заляпанных дерьмом улиц бордель похож на императорский дворец.

Один из мужчин бросает на нас быстрый изучающий взгляд. На нём шёлковый халат с вышитым красной нитью большим драконом, обвивающим рукав. Челюсть его украшает неровный багровый шрам. Животик слегка выступает – брюхлый и мягкий от долгих лет раздавания приказов.

Лонгвей, главарь Братства, бог ножей и игл, правитель этого маленького ада.

– Значит, вот какого мальчишку ты нашёл для этой работы? – Голос наркобарона похож на лай сторожевой собаки. Хриплый. Рычащий. – Выглядит не очень.

Я бросаю взгляд на пацана. Костлявый, одни глазищи, ссутуленные плечи и скрещенные на груди руки. Осматривает опиумный притон. Кровавый свет бордельных ламп очерчивает лицо Цзина, и становится заметно, как часто ему приходится голодать. Кажется, мальчишку может снести ветром.

Живот сводит спазмом, но я стараюсь не обращать внимания. Мне некогда сомневаться и гадать. Или он, или прямая дорога на плаху.

– Он лучший, – уверяю наркобарона. – Даю вам слово.

– Не стоит. – Усмешка Лонгвея напоминает оскал дракона, хищный и острый. Очерченный золотыми коронками зубов. – Твоя жизнь – лучшая гарантия.

Жжение в животе превращается в жар. Но затем я думаю о ботинках, стоящих в коридоре. Вспоминаю мертвенную свирепость в глазах пацана.

Со мной ничего не случится.

Лонгвей кивком указывает на дальний угол комнаты. За плечом его появляется мужчина в опрятном чёрном костюме и с сумкой белого порошка, спрессованного в форме кирпича. Лонгвей берёт брикет и взвешивает его в руке.

– Знаешь, где находится ночной рынок, мальчик?

– Во Внешнем городе? – Цзину удаётся избавиться от дрожи в голосе, но его выдают плечи.

– Да. В Сенг Нгои. – Он морщится от использованного пацаном названия. – Отнеси пакет в последнюю палатку на западном углу. Там будет старик, торгующий нефритовыми статуэтками. Передай ему пакет, забери плату и возвращайся сюда. Мои люди проследят за тем, что сделка состоялась. Твой напарник останется здесь, пока не вернёшься. Если не явишься, его ждёт долгая и приятная встреча с моим ножом.

Пацан бледнеет. Я вновь принимаюсь барабанить пальцами. Они отбивают бешеное стаккато, пока я наблюдаю, как Цзин засовывает свёрток под тунику и бежит к двери.

– Присаживайся. – Золотые зубы Лонгвея вновь обнажаются в оскале, когда он указывает на пустой диван.

Я делаю глубокий вздох и плюхаюсь на продавленные подушки.

Пора приниматься за работу.

ЦЗИН ЛИНЬ

Вылазки во Внешний город опасны. В Город-крепость полиция не лезет, она сторожит снаружи. Выжидает. Немало бродяжек попало в тюрьму из-за подобных наркоделок.

Но сейчас я спокойно бегу по широким чистым улицам. Полиции нет. Лишь мерцающие неоновые вывески, гладкий блеск машин и тёмное, дождливое небо над головой. До ночного рынка я добираюсь вся промокшая до нитки. С одежды и волос течёт вода, единственное, что остаётся сухим, – это свёрток. Он плотно прижат к повязкам на груди и прикрыт рубашкой.

Чем скорее я с этим разделаюсь, тем скорее вернусь в бордель. Смогу заглянуть в накрашенные лица в поисках единственного важного мне человека.

Старик, продающий статуэтки, старается не пялиться, когда я подбегаю к его палатке. Он увлечённо полирует длинный ряд крошечных фигурок животных.

– Клади сюда, – шепчет торговец и подталкивает ногой корзину. Практически незаметная, она стоит под прилавком с товаром.

Я осматриваюсь. Здесь, в дальнем краю рынка, покупателей мало. У соседней палатки стоит молодая пара и разглядывает украшения, пока продавец подсчитывает что-то на калькуляторе. Рука парня покоится на плечах девушки. Они смеются. Вместе. Такой странный, счастливый звук. Напоминающий, сколь многого я лишена.

Просовываю руку под тунику и кладу свёрток на дно старой потрёпанной корзины. Я стою близко к прилавку, достаточно близко, чтобы успеть схватить свёрток, если понадобится.

– Где ответная посылка? – спрашиваю я.

Торговец нефритом впервые поднимает взгляд, и я понимаю, как жалко, должно быть, выгляжу со стороны: тонкая, как бамбук, промокшая и заляпанная грязью. Мне не место здесь, рядом с этими счастливыми, смеющимися людьми, с жалкими, но дорожущими статуэтками и шарфами.

– Скажи своему... другу... что у нас небольшая задержка. Заплачу через несколько дней. Передай, что я отправлю своего человека.

Я не двигаюсь. Сделка должна проходить иначе. Мне должны передать плату... деньги... за товар. Если не заберу их, не выполню задание. Провалю – и Дэй умрёт.

Последняя мысль пронзает меня. Острая, как рыболовный крючок. С чего вдруг я беспокоюсь о Дэе? Я борюсь не ради него. Если Дэй напорется на нож, сам будет виноват. Он знал, во что ввязывается, переступая порог борделя Лонгвея.

Упорно повторяю себе эти слова, но не могу избавиться от мерзкого ощущения. Ответственность за жизнь Дэя давит на грудь.

– Ты кажешься умным мальчиком, – улыбается торговец, щеголяя кривыми жёлтыми зубами. – Уверен, твой друг всё поймёт. Он и я, мы давно работаем вместе. Моему слову можно верить.

Он прав. Я умна. Достаточно, чтобы чтить правила. Достаточно, чтобы выжить в Городе-крепости.

Никому не доверяй. Второе правило вспыхивает в голове, предостерегающее и яркое, как полицейские огни. Возможно, старик говорит правду, но я не готова возвращаться в бордель Лонгвея с пустыми руками.

– Мой друг поймёт? – спрашиваю я. Этой уловке я научилась на улицах Города: притворяйся дурачком, и тебя не будут принимать во внимание. Не будут ожидать подвоха.

– О, да. – Улыбка старика становится шире. – Он знает, где меня искать. Разве нет?

– Вроде бы, да...

Выждав подходящего момента, я делаю выпад. Слепо бросаюсь под стол. От торопливого, неловкого движения корзина переворачивается; свёрток выскальзывает из неё. Тянусь за ним, но руку мою перехватывают пальцы торговца. Он плюётся ругательствами, пытаюсь вытащить меня из-под стола. Держит старик крепко, пальцы его так сильно впиваются в запястье, что на глаза накатывают слёзы.

Под туникой у меня спрятан нож, до которого легко дотянуться. Хватаю его и целюсь лезвием в руку торговца.

Он ужасно кричит. Отшатывается. Красная, густая кровь хлещет во все стороны. Я хватаю свёрток и делаю то, что умею лучше всего. Бегу.

дэй

Пацан ушёл, и с тех пор Лонгвей практически не обращает на меня внимания. Развалившись в кресле, он делает долгие затяжки из тонкой трубки. Опиумный

дым вырывается в воздух подобно чернилам, призрачным кольцом повисая вокруг его головы. Слежу за дымом и стараюсь выглядеть безразличным, хотя сам отчаянно перебираю мысли. Краем глаза я вижу охранника, он весь в чёрном, горой высится в коридоре.

Того, что мне нужно, в этой комнате нет. Впрочем, я и не ожидал, что оно будет здесь. Мало кто стал бы хранить ценные вещи прямо посреди опиумного притона.

Из комнаты ведут четыре проёма. Широкие и арочные, выходящие в длинные коридоры. Четыре пути. Взгляд мой мечется между ними, пытаюсь уловить в тенях хоть проблеск, возможную зацепку.

Но даже зацепки не помогут, если я не найду способ выбраться с этого дивана.

Смотрю на Лонгвея. Глаза его закрыты, лицо расслаблено, словно у кота, нежащегося на солнышке.

– Мне надо отлить. – Стараюсь, чтобы голос звучал ровно, сухо.

Он не отвечает. Даже не открывает глаз. Но он слышит, я замечаю это по поджатым, изогнувшимся губам.

– У вас есть туалет? – спрашиваю уже громче.

Глаза Лонгвея остаются закрыты. Ощущаю себя мальчишкой, который не особо нежно тыкает палкой спящего дракона. Глупо так подставляться, но число оставшихся дней пылает у меня в мозгу. Шестнадцать.

Обдумываю, сглатываю и делаю ещё один тычок:

– Хоть что-нибудь? Банка?

– Терпи, – рычит он.

– Не могу, – огрызаюсь я.

Один глаз приоткрывается. Тёмный, испещрённый сеточкой крошечных сосудов.

– Для бродяжки ты ужасно требователен. – Слова его сливаются воедино. – И хорошо одет.

Грудь сжимается, будто пустая банка из-под колы в жадных руках. Пытаюсь дышать глубоко и медленно – как учил мой репетитор английского, когда я паниковал из-за уроков, – но в воздухе слишком много дыма.

Я никогда не утверждал, что бродяга. Люди сами вешали на меня этот ярлык. Я не возражал, лучше так, чем пытаться объяснить правду. Кто я. Что сотворил. Факты, которые мгновенно изменяют отношение Лонгвея ко мне.

– Неплохо справляюсь, – пожимаю плечами я.

Если он и разочарован ответом, то этого не показывает. Он снова закрывает глаз и взмахом руки подзывает ближайшего мужчину в чёрном.

– Фанг тебя проводит.

Фанг, угрюмый мужик с мерзкой красной татуировкой на лице, кажется, поручению не рад. Он зыркает на меня и шаркает в сторону западного коридора, держа меня на расстоянии вытянутой руки. Я иду медленно, подмечая как можно больше деталей. Все двери в коридоре закрыты, заперты снаружи. На них висят таблички с написанными красной краской именами. Иероглифы тускнеют в алом свете фонарей, висящих над головой. Иногда, под определённым углом, имена становятся совсем невидимы.

– Вот. – Фанг толкает плечом дверь, которая едва ли шире моей грудной клетки, а за ней открывается тёмной затхлое пространство. – Шевели задницей.

Я не трачу времени зря в грязном закутке. Благодаря этому рискованному предприятию удалось узнать: того, что я ищу, в этом коридоре нет. Только комнаты девочек и гнилая комнатуха с трубой канализации.

Глубоко спрятав руки в карманы толстовки, я следом за Фангом возвращаюсь в главный зал. Больше в туалет отпроситься не получится. Придётся искать

другой способ осмотреться. Изобразить искренний интерес к Братству. Как-то отвлечь внимание.

От мыслей о дальнейшем плане действий меня отрывают голоса, резкие, схлестнувшиеся, как фехтовальные мечи. Они такие громкие, что даже Фанг останавливается, в сомнении замирает в конце коридора. Я стою у него за спиной, прислушиваюсь.

– К ней никто больше не приходит, да? – спрашивает мужчина. Что-то в его голосе кажется мне знакомым, заставляет нервничать. Странный рубленый акцент, словно нож кромсает печень. Похоже на то, как говорит моя мама. От звуков его голоса меня внезапно охватывает тоска по дому.

Зато голос Лонгвея узнать легко.

– Конечно, не приходит. Ты выкупил всё её время, а я человек слова. Я полагал, ты знаешь это, Осаму.

Волоски у меня на руках встают дыбом. Этот голос. Это имя... Осаму. Да, я знаю его. Знаю, как он пьянеет с пары бутылок sake и заговаривает женщин сладкими речами на приёмах в посольствах. Я прекрасно помню его лицо.

Он, скорее всего, не вспомнит меня – давно я не бывал на приёмах и даже в посольствах, – но рисковать нельзя. Не сейчас. Я вытаскиваю руки из карманов и натягиваю на голову капюшон на случай, если Фанг решит, что мы можем прервать разговор.

– Если я узнаю, что ты меня обманываешь... – рычит политик. – Если узнаю, что у неё бывают другие, я...

– На твоём месте, я бы хорошенько подумал, прежде чем угрожать, Осаму. – Голос Лонгвея непоколебим. – Возможно, у тебя есть власть в Сенг Нгои, но здесь моя территория. Мои правила. И здесь твоя политическая неприкосновенность может идти в задницу.

– Ты не настолько недосягаем, как думаешь, – громыкает Осаму.

Нет, не настолько. Но только если я найду то, что ищу, и всё сделаю правильно.

Сердце сжимается в груди, подскакивает к горлу. Столько разных людей, столько чиновников шли на всё, лишь бы не позволить огромной сети соглядатаев Лонгвея, узнать о «важном дне». Они выискивали и искореняли крыс с помощью детекторов лжи и двойных агентов. Хранили детали операции со всей секретностью, и единственная их лазейка – я.

И вот сейчас Осаму распаляется, спорит с Лонгвеем, грозя всё разоблачить.

Но ведь Осаму не знает... правда? Он зарубежный посол, не интересующийся в политике Сенг Нгои. Должно быть, я просто неправильно понял его слова. Заметил между строк собственные страхи.

– Рад, что мы понимаем друг друга, – смеётся Лонгвей. – Ты заскочил просто поболтать или планировал воспользоваться случаем?

– Я как раз собирался зайти к ней, но, боюсь, не принёс букет. Женщины, у которой я обычно покупаю цветы, сегодня не было. Придётся поискать другого торговца.

Наркобарон продолжает хохотать, смех его набирает обороты, словно лавина.

– Осаму, цветы не нужны, чтобы тебя здесь ублажили. Мне достаточно денег.

– Я и не думал, что такой человек, как ты, сможет понять подобные тонкости, – без тени страха заявляет Осаму. – Я за цветами. Скоро вернусь.

Задерживаю дыхание и прислушиваюсь, но ловлю только звук удаляющихся шагов. Осаму ушёл. Отлично.

Когда Фанг проводит меня в зал, все клиенты лежат на диванах, спокойные и обдолбанные, словно ничего и не было. Зато Лонгвей не расслаблен, его обычно ленивые глаза сейчас выпученные и взволнованные.

– Можешь поверить? – Кажется, он ни к кому конкретно не обращается, но взглядом быстро находит меня. – Угрожает мне! Из-за такой ерунды, как эта

девчонка? Помешавшийся придурок! Таскает ей цветы и подарки, как настоящей возлюбленной. Даже заплатил на целый месяц вперёд со всеми дополнительными услугами, чтобы я поселил её в единственную комнату с окном.

Окно. Мысли цепляются за это слово. Если есть окно, значит, имеется и другой способ попасть внутрь.

Блеск недовольства покидает глаза Лонгвея. Он сосредоточенно смотрит на меня, и я вдруг понимаю, что так и не снял капюшон.

– Сколько тебе лет, парень?

В первое мгновение хочется солгать, но это будет излишне. Даже хуже – глупо.

– Восемнадцать.

– И ты до сих пор не присоединился к одной из разношёрстных шаяк, наивно считающих себя настоящими бандитами? Всех парней твоего возраста они давно расхватали. Если только ты не ждал настоящего приглашения...

Несложно догадаться, на что он намекает – на приглашение стать членом Братства. Официально вступить в ряды убийц, воров и наркоманов. Систематизировать преступления. Если бы жизнь моя была совершенно иной, я бы ухватился за это предложение. Если бы я жил впроголодь, сражаясь за каждый новый день, как Цзин или Куэн, то уже кричал бы «да». Умолял взять меня.

Но Лонгвей не предлагает. А даже если бы предлагал, я бы не согласился. Конечно, присоединиться к Братству – верный способ завоевать его доверие, но если я сделаю это сейчас – пройду сложную, жестокую церемонию вступления, – меня раскроют. Покрошат на маленькие кусочки и только потом убьют. Моё прикрытие не выдержит, если Лонгвей присмотрится внимательней.

Сейчас это неоправданный риск.

– Предпочитаю быть одиночкой. Меньше проблем, – легко отвечаю я, потому что это истинная правда.

– А как же другой мальчишка? Цзин?

Чёрт. Старик не лыком шит! Мне удаётся сохранить безразличное выражение лица.

– Вы сказали, для дела нужны двое, вот нас и двое. Он просто попался под руку.

– Но это ты повстречаешься с ножом, если мальчишка не принесёт мне необходимое... Ты просто попадёшь под руку.

Его последние слова повисают в воздухе, словно приманка, умоляя меня поймать крючок, биться, сопротивляться.

Опускаю взгляд на свои ноги. Пальцы напоминают мне пресноводных угрей в аквариумах рыбных ресторанов, живых, но так плотно набитых в маленький ящик, что становится непонятно, как они ещё двигаются.

Не сопротивляйся ему. Ты здесь не ради этого.

Я смотрю на пальцы и думаю об окне. О моём следующем шаге в этой сложной игре, цена которой свобода.

– Парень вернулся, – раздаётся голос охранника из главного коридора.

– Неужели? – Лонгвей откидывается в кресле, вновь принимая позу сонного царя зверей. – Что ж, посмотрим, правильно ли ты сделал, доверившись этому мальчишке.

Доверившись. Слово забавно гудит в голове, как после похмелья. Да, кажется, именно это мне и пришлось сделать. Довериться пацану. Поверить, что он придёт. Что спасёт меня от ножа Лонгвея. Сейчас посмотрим, правильно ли я поступил.

И хотя на мне плотная и даже слишком тёплая толстовка, тело всё равно охватывает дрожь.

ЦЗИН ЛИНЬ

В борделе Лонгвея гораздо теплей, чем в брезентовой палатке. Но меня всё равно трясёт. Кровь торговца исчезла с моих рук, смылась струями ливня. Но его крики всё ещё звучат в ушах. Становятся громче с каждым шагом. Приспешник Лонгвея не отстаёт от меня ни на шаг, бежит следом с самого рынка.

Я прижимаю брикет с наркотиками к груди, точь-в-точь как Чма, когда ночи выдаются слишком холодные. Трепет, дрожь, крики. Коридор всё тянется и тянется. За дверью следует новая дверь, и новая, и новая. Но, в конце концов, мы достигаем цели: кресла Лонгвея. Главарь Братства открывает налитые кровью глаза. Косится на свёрток в моих руках. На мой провал.

Не стоило вообще браться за это дело.

Дэй сидит на самом краешке дивана. Пропала его уверенная, нахальная маска, которой парень щеголял в переулке рядом с моим убежищем. Лицо приобрело зеленоватый отлив, пятнами охватывающий кожу, словно мох. Дэй выглядит так же болезненно, как ощущаю себя я.

Мне не стоит переживать о нём. Некогда, нельзя. Но вес ответственности за его жизнь продолжает давить на плечи. Стискивает рёбра и лёгкие. Напоминает, что у меня ещё есть сердце.

Пусть я могу пырнуть человека ножом, но умереть – не позволю. Не по моей вине.

– Какие-то проблемы? – рычит Лонгвей.

Во рту у меня сухо, как в пустыне. Связать слова в предложение удаётся не с первой попытки:

– Я... я н-не смог завершить обмен, г-господин. Я нашёл мужчину, который торгует нефритовыми статуэтками, и доставил посылку. Всё, как вы сказали.

– И? – Его вопрос суров. Холодит кровь. Приходится собрать всю храбрость, чтобы продолжить рассказ.

– Он не захотел отдавать мне деньги. Сказал, что заплатит позже, что вы всё поймёте.

– И ты ему не поверил?

Я качаю головой. Но вдруг торговец нефритом действительно один из близких друзей Лонгвея? Слегка подгнившая половинка апельсина, которую я съела перед тем, как прийти сюда, пытается выбраться из желудка. Цитрусовая и почти переваренная.

Лонгвей указывает на брикет в моих мокрых руках:

– Значит, ты забрал свёрток? Вот так просто?

– Торговец попытался схватить меня, но я воткнул нож ему в руку. А потом убежал.

Дэй втягивает воздух сквозь зубы. Громкий, резкий звук. Он дёргает левой ногой, топая пяткой по полу, отстукивая нервный ритм. Такой же, как биение моего сердца.

– Это правда? – Лонгвей спрашивает не меня, его тёмные глаза обращаются в другую сторону. Куда-то позади.

Мужчина в чёрном – моя временная тень – пожимает плечами.

– Старикашка верещал, как резаная свинья.

От безудержного смеха главарь Братства трясётся всем телом. Красный дракон на его рукаве подрагивает, будто собирается разразиться пламенем. Лонгвей смеётся, и я понимаю, что истории о нём правдивы. Все до единой.

Когда смех затихает, оказывается, что комната погрузилась в полнейшую тишину. Девушка перестала тренькать на каком-то струнном инструменте. Нога Дэя перестала топтать, опустившись на ковёр.

– Хотел бы я это видеть. – Лонгвей вытирает уголки глаз. – Дай сюда свёрток.

Я на максимально вытянутых руках передаю ему брикет. Лонгвей принимает его и почти минуту придиричиво разглядывает.

– Всё на месте, – говорит он. – Не удивлён, что такое случилось. Это был новый клиент. Он и другим принёс немало проблем.

Сдавленное дыхание вырывается из лёгких. Я кидаю взгляд на Дэя в надежде, что парень тоже порадует. Или хотя бы станет не таким зелёным.

– Значит, это была проверка? – Голос Дэя холоден, но нога вновь принимается стучать по полу. Быстрее, чем прежде.

– Своего рода. – Лонгвей равнодушно пожимает плечами. – Я ищу хороших уличных мальчишек. Посыльных, которым можно доверять, не так-то легко найти. Но ты сегодня показал себя. Как тебе предложение стать моим личным посыльным для более... тонкой работы? Плачу хорошо. И ты, и твой друг будете получать свою долю. Ему придётся сидеть здесь, пока ты ходишь на дело. В качестве страховки, сами понимаете.

Странно, почти жутко, что Лонгвей считает, будто оставлять в залог человека – хорошее решение в этом городе. Считает, что мы здесь способны доверять друг другу. Интересно, он так же поступает с другими парнями или смотрит своими острыми, как скальпель, чёрными глазами мне в самую душу, вычленяя главную слабость? Жажду защищать.

Я молчу. Первое правило обжигает икры. Мне хочется только одного – бежать. Дальше, как можно дальше от этого места, полного вонючего дыма, грязных денег и страха.

Резкий хлопок разрезает тишину – это схлестнулись длинные пальцы Лонгвея.

– Ещё вина! Больше света! – бросает он через плечо.

Я уже собираюсь отказать ему, когда в комнату входит женщина. Нет. Не женщина. Девушка в женских одеждах. Лицо её густо покрыто макияжем, как у той девушки в переулке. От одного её вида – узкое красное платье, поднос, идеально лежащий в руках – горло сдавливает, не позволяя ответить. Я вспоминаю, зачем пришла сюда.

Эта девушка. Я знаю её. Она из нашей провинции. С фермы в четырёх ли к западу от нашей. Её звали... зовут Инь Ю. Помню, что видела её в фургоне, который увёз Мэй Йи. Их забрали в один день.

– Любишь девочек? – смеётся Лонгвей, когда его бокал вновь наполняется вином. Пахнет отвратительно. Алкоголем и сочными спелыми сливами. – У меня здесь их много. Если, конечно, готов платить.

Я качаю головой. Девушка – Инь Ю – уходит. Шёлковое платье вспыхивает алым, прежде чем она вновь растворяется в тени.

Если Инь Ю здесь, возможно, и Мэй Йи тоже? Крошечная зацепка. Даже не зацепка вовсе. Но сейчас это всё, что у меня есть.

Нужно принять предложение Лонгвея. Продолжить поиски.

– Да, – говорю я, разжимая пересохшие губы, понимая, что не смогу забрать слово обратно. – Я буду вашим посыльным, если Дэй согласен.

Если он готов каждый раз рисковать жизнью, пока я выбираюсь на дело. Готов довериться мне.

– Я согласен.

Оказывается, он готов.

Лонгвей даже не улыбается. Он делает большой глоток вина. Часть жидкости проливается ему на руку. Капли его, тёмно красные потёки, напоминают мне о крови торговца нефритом.

– Возвращайтесь завтра на закате. Для вас есть другая работа. Плату мои люди отдадут вам на выходе, – продолжает он, делая взмах свободной рукой. Знак, что нам пора уходить.

Мы идём за человеком Лонгвея к выходу, где он передаёт нам оранжевый конверт, плотно напиханный деньгами. Мы минуем коридор с множеством запертых дверей. И я не могу избавиться от мысли: вдруг сестра сейчас за одной из них? Ждёт.

МЭЙ ЙИ

В моей комнате есть окно. Странный проём, единственный во всём здании. Участок из шести шлакоблочных кирпичей, явно забытых строителями, закрытый стеклом и кусками металлических прутьев. Оно прячется за яркой алой занавеской, закрывающей мне вид наружу. Впрочем, там и смотреть не на что. За окном даже не переулок – просто проём между двумя зданиями, в который забираются только уличные мальчишки и кошки. Призрачный свет горящих на улице фонарей здесь почти неразличим... его хватает только чтобы разглядеть сваленный в кучи мусор.

Отвратительный вид – серость и гниль. Не понимаю, почему Синь так его любила. По утрам, когда у нас ещё не было клиентов, она приходила, садилась ко мне на кровать, отодвигала занавеску и подолгу смотрела через решётку. И взгляд её был такой остекленевший, что я каждый раз задавалась вопросом: действительно ли Синь видит картину за окном.

После двух дней одиночества, когда стены начинают давить, лишая воздуха, я отодвигаю занавеску и выглядываю в окно. На заплесневелые шлакоблочные стены, смятые обёртки и осколки бутылок из-под спиртного. Я окидываю взглядом эту картину и пытаюсь увидеть в ней то, что видела Синь.

За стеклом что-то движется. Я почти ничего не могу разглядеть, только отражение решётки да моего собственного лица. Может, просто показалось?

Но тут стекло дребезжит. Раскрытая ладонь, белая и пугающая, поглощает пространство, где только что было моё лицо.

Сердце моё грохочет не хуже стекла. Я моргаю, снова и снова, но рука никуда не исчезает. Вот она – пять пальцев и узор на ладони, как паутина. Линии глубокие и запутанные, с лёгким налётом грязи.

Я как раз раздумываю, что же делать – стоит ли просто задёрнуть занавеску или звать Маму-сан, – когда раздаётся голос, слишком глубокий, чтобы тонкое стекло стало ему преградой.

– Привет.

Облизываю губы, пытаюсь придумать, что сказать в ответ:

– Кто... кто ты?

Рука исчезает, и окно вновь затягивает тьма. А потом появляется лицо. Поначалу это лишь тонкие линии, скопления света и тени, сплетающиеся, закручивающиеся в силуэт человека за окном. Но вскоре глаза мои привыкают к тусклому отсвету фонарей.

Парень за окном молод. Я вижу, как сильны его руки, даже под тёплой кофтой с капюшоном. На месте живота нет заметной выпуклости. Он выглядит, как подобает настоящему мужчине: активным и собранным. Не разжиревший от сладостей, не разморённый опиумным дымом.

А его глаза... ясные, как небо над горами. Они пристально смотрят на меня, заглядывая внутрь.

– Ты... ты одна из девочек Лонгвея, – наконец, заявляет он.

Я киваю. Знаю, что парень видит меня. В комнате горит столько бумажных фонариков, что не увидеть просто невозможно.

Он молчит. Не отводит проницательного взгляда, от которого в животе рождается неизвестный мне ранее трепет.

Я не знаю, что сказать или спросить. Голова пуста. Я слышу только, как течёт вода, звонкое кап-кап-кап, означающее, что сверху, с небес, льёт дождь.

Не стоило вообще ничего спрашивать. Если бы я была хорошей девочкой – примерной девочкой, – если бы знала, как будет лучше, я бы задёрнула занавеску. Навсегда бы забыла о парне за окном, отвернулась и смотрела бы на фальшивые звёзды. Ждала бы, когда придёт посол с новым букетом цветов.

Но этот дождь. Грязь. Его глаза. Трепет в животе. Ощущения такие старые, забытые и одновременно новые. Они удерживают меня у окна, заставляют обхватить пальцами решётку.

– Как твоё имя? – наконец, спрашивает парень.

Моё имя. Мэй Йи. Его выбрала мама. Помню, как она рассказывала мне об этом. Она стояла на улице, и прохладный вечерний ветерок играл с её волосами. Лицо мамы было обращено к заходящему солнцу, залито золотом. Было странно видеть её в таком ярком свете. В доме, на кухне, где мама проводила большую часть времени, всегда царила полутьма.

Мы стояли под навесом желтеющих листьев дерева гинкго, похожих на маленькие веера, и смотрели, как горы погружаются в лиловые сумерки, становясь резкими, словно хребет спящего дракона.

– Это так красиво, – сказала мама, – совсем как ты.

Я почувствовала, как щёки мои запылали, становясь цвета слегка недоспелых слив.

– Я знала, что ты вырастешь настоящей красавицей, ещё когда впервые взяла тебя на руки. – Голос мамы дрогнул, будто она была готова расплакаться. – Ты подарила мне новую и яркую жизнь. Поэтому я выбрала тебе это имя. Мэй Йи.

Мэй Йи. Живительная красота.

Мне не хочется называть парню своё имя. Слишком многие уже украли его, использовали совсем не так, как должны. Невозможно понять, как на самом деле хрупко твоё имя, пока оно не становится оружием, не срывается с губ проклятием.

– А твоё? – спрашиваю я через стекло.

Он не обращает на мой вопрос внимания.

– Каково тебе там, внутри?

Я оглядываюсь на комнату. Ничего нового. Эту же обстановку я вижу день изо дня. Кровать. Умывальник и оловянный ночной горшок. Алая драпировка на стенах и бумажные фонарики. Книжная полка со статуэткой золотого кота. Радужный ряд шёлковых платьев. Увядшие фиолетовые цветы. Поникшие лепестки, засохшие листья – единственное, что когда-либо меняется здесь.

Даже когда дверь не заперта, мне некуда пойти. Лишь наш коридор и комнаты других девочек. Иногда я выхожу в главный зал, если посол желает поддерживать беседу во время курения. Чаще всего он не желает.

Мой маленький мир.

– А каково тебе снаружи? – отвечаю вопросом на вопрос.

Кажется, будто нам друг от друга нужны только ответы.

– Холодно. Мокро, – говорит парень.

Капли дождя подобно хрустальным божьим коровкам собираются на кончике его носа. Я вдруг понимаю, что не могу оторвать взгляда, смотрю, как они блестят и переливаются в тусклом уличном свете. Не помню, когда в последний раз ощущала капли дождя на коже.

– Твоя очередь. – Парень кивает, и капли срываются с носа, мерцающие вспышки серебряного света. словно падающие звёзды.

– Тепло. Дымно.

– А ещё?

– Твоя очередь, – напоминаю я.

– Что ты хочешь знать?

А что я хочу знать? Почему я вообще здесь, сижу, отчаянно прижимаясь лицом к решётке? Почему пытаю себя вкусом жизни, к которой никогда больше не вернусь? Лучше отстраниться, отпустить занавеску.

Но этот парень... на меня никто ещё так не смотрел. От его взгляда щёки мои вновь становятся цвета почти спелых слив. То, что раньше было лёгким трепетом в животе, превращается в настоящий пожар.

Что я хочу знать? Чего бы хотелось Синь? Свобода. Жизнь без стен. Я вспоминаю Цзин Линь, высывающуюся из окна, как она жаждала, так сильно жаждала познать тайны звёзд. Наблюдала, собирая их и сохраняя для себя. Сейчас я прислоняюсь к окну, ощущая такой же порыв, ту же жажду и тяжёлые грозовые тучи в груди.

– Что-нибудь, – отвечаю я парню. – Всё.

– Много... – Он хмурится и скрещивает руки на груди. На мгновение мне становится страшно, что наша игра окончена. Что сейчас он исчезнет в переулке под песню осколков стекла и пустых жестянок. – Может, устроим обмен?

– Обмен?

– Ага. Меняю свою информацию на твою.

– На мою?

– На данные о борделе. Ты... видишься с ними? С Лонгвеем и остальными членами Братства?

– Иногда.

Во рту сухо, как в пустыне – так же было, когда Жнецы заткнули мне рот хлопковым платком, увозя нас в город в крошечной тьме фургона. То, что

начиналось, как простая игра, становится опасным. Рассказывать о Братстве, делиться тем, что мне известно... это может плохо кончиться.

- Никогда не покупай креветки в ларьке господина Лау. Они у него тухлые. Верный способ отравиться. В последний раз, когда я купил у него креветки, я не мог ничего в себя впихнуть ещё дня три.

- Ч-что? - Язык всё ещё плохо шевелится от сухости, будто его завязали в узел.

- Наш обмен. Не забыла? - напоминает мне парень. - Ты отвечаешь, я отвечаю.

- Ох...

Что-нибудь. Всё. Тухлые креветки от господина Лау. Не то, чего я ожидала, но хоть что-то. Не знала, что по-соседству вообще есть ларёк с креветками.

- Они проводят встречи здесь, да?

Вопрос парня так быстр и настойчив, что мне сразу не верится, будто он случайно появился в моём окне. Все наши слова, все секунды молчания вели к этому: парню что-то здесь нужно. Но сам он не может это достать.

И мне интересно, что именно ему нужно. Чего он может так отчаянно желать в этом мире опиумного дыма и замков? В глазах парня блеск, который напоминает мне об огне Синь. Но как она смотрела наружу, он заглядывает внутрь.

Раздаётся тихий звон металла о металл. За спиной. Я едва успеваю сложить два плюс два. Задёргиваю штору и ныряю в кровать.

Цветы - первое, что я вижу. Дюжина белых хризантем врывается в дверь, а следом за ними входит посол. Он крупный мужчина, и от шагов его сотрясается вся комната. Когда он скидывает пальто, я ощущаю аромат дождя, но не вижу ни единой капли. Должно быть, он был под зонтом.

Пuls мой бешено бьётся, когда посол подходит к кровати. В руках его что-то есть: блестящая золотистая коробка, перевязанная лентой. Он кладёт её мне на

колени.

– Я принёс тебе шоколад. – Его голос спокоен. Размерен. Само его звучание напоминает, насколько взволнована я сама.

Я улыбаюсь и благодарю его. Медленно развязываю ленту. Но думать могу только об окне за спиной. Интересно, парень ещё там, ждёт? Меня не покидает жар его взгляда, и я молю богов, чтобы щёки не пылали.

В коробке нет ни одной одинаковой конфеты – все они странной незнакомой мне формы, не привычные круги или квадраты.

– Ракушки, – поясняет посол, замечая моё замешательство. – Из них достают моллюсков и устриц.

– Ракушки. – Я обвожу пальцем край одной из них. – С моря?

– Да.

Вэнь Кей любила рассказывать о море. Могла говорить о нём часами. О приливах и отливах, зависящих от размера луны. О том, как оно рычит в ветреные дни, словно разъярённая кошка. Как воды его горят огнём в лучах рассвета. Мне никак не удавалось представить, что в мире есть столько воды. Синь рассказывала, что там, на дне, есть даже горы – она узнала это в школе. Мы её не верили.

– Вы были у моря?

– Много раз, – улыбается он. – Я вырос на острове и везде мог попасть только по воде.

А я понимаю, что ни за что не смогу представить столько воды в одном месте, пока не увижу собственными глазами.

– Может быть, когда-нибудь вы возьмёте меня с собой к морю?

Улыбка исчезает с губ посла.

– Это не лучшая идея.

Обычно я не настаиваю – я скромна и сдержана, как он любит, следую нашим негласным правилам, – но после встречи у окна сердце переполнено чувствами и колотится, как безумное.

– Почему?

– Ты моя принцесса. А здесь твоя башня из слоновой кости. Тебя необходимо защищать. Люди снаружи... они не поймут нас. Будет лучше, если ты останешься здесь.

Но стены борделя сложены из шлакоблока. Не из слоновой кости.

Я тоже не уверена, что понимаю нас.

Но я не настолько храбра, чтобы сказать об этом послу.

Мы начинаем наш ритуал. Наш танец. К концу его щёки мои горят. На этот раз вместо того чтобы рассматривать звёзды, я смотрю на окно, на алую занавеску. Думаю о ночи за ней. О пристальном взгляде тёмных глаз парня.

Может быть, не мусор и шлакоблок соседних стен так притягивали Синь, а возможности? Знание, что вселенная состоит не только из опиумных паров и мерзких потных мужчин. Снаружи есть настоящий мир, с ларьками с креветками и тайнами звёзд. Место, где идёт дождь, где есть симпатичные парни с грязными ладонями. Место, где море тянется до самого горизонта.

15 дней

ДЭЙ

Отыскать окно было сложно, даже когда я узнал, что оно здесь есть. Пришлось добрых полчаса кружить вокруг борделя, избегая струй дождевой воды, льющих из труб, и чужих взглядов, прежде чем я заметил алое пятно в узком переулке. Но если найти окно было сложно, столкнуться с тем, что ждало меня за ним, оказалось ещё сложнее.

Я не был готов к девушке.

Город Тьмы. Так жители Сенг Нгои называют это место, видя его из окон пентхаусов и высотных офисов. Чёрное пятно преступности и трущоб в их сияющем городе. Но, по-моему, его лучше было бы назвать Город Боли.

Страдания здесь повсюду. Прячутся на заводах и ткацких фабриках, где работники каждый божий день по четырнадцать часов горбятятся над станками. Пронзают ряды сидящих на игле проституток и исполосованных шрамами юнцов. Шныряют у столов, где пьяные мужики швыряются друг в друга деньгами и матерятся из-за ставок.

Обычно мне на всех наплевать, я могу отвернуться, пройти мимо.

Не в этот раз.

Не знаю даже, кого я ожидал увидеть в комнате. Да, проститутку. Но девушка за стеклом оказалась на капли не похожа на других уличных девиц Хак Нам – на проститутку с налитыми кровью глазами, которые торчат в дверях борделей, пытаюсь завлечь клиентов обнажёнными плечами и тяжёлыми веками. Глаза её не наливались кровью, они были полны. Полны и в то же время пусты. Когда девушка смотрела на меня, она казалась одновременно юной и взрослой.

Тоскливые, жаждущие, голодные... Её глаза. В них читалось, что решётки на окне – именно то, что они и являются. Клетка. Жажда девушки прорвалась через прутья и впилась мне в грудь когтями, и я лепетал что-то об отравлении и тухлых креветках. А ладони потели, как у влюблённого семиклашки.

Я смотрел на девушку и видел в ней себя. Призрака Дэя, отражённого в стекле, разбитого на кусочки, удерживаемого металлическими прутьями решётки. Пойманную душу, мечтающую вырваться наружу.

Помимо тоски в глазах я вижу её красоту. Понятно, почему Осаму помешался на ней. Чёрные волосы девушки заплетены в косу, перекинутую через плечо, – словно ночь на её звёздно-белой коже. Именно о такой девушке мы с братом шептались бы, поедая рисовые чипсы, пока горничная ругалась бы на нас, заставляя делать домашнее задание. Именно такую девушку я мог бы пригласить в кино и штурмовал бы игровые автоматы только потому, что ей захотелось игрушку.

Но в Хак Наме нет кино и миленьких пластиковых котят с качающимися головами. А я не собираюсь звать девушку на свидание. Я попрошу её шпионить за Братством. Отыскать то, что мне не под силу.

Голод утоляет голод.

Справится ли она? Этот вопрос я задаю себе, засовывая руки во влажные карманы и петляя по проклятым улицам Хак Нама.

Не знаю. Я затеваю огромную авантюру. Если и так дерьмовая ситуация станет ещё хуже, у меня всегда есть запасной путь в бордель. Пока Цзин готов быть посыльным. Возможно, удастся получить от девушки всю ключевую информацию и сбежать в самый последний момент. Настоящее самоубийство, даже в лучшем случае.

Мой план Б. Жаль, нет плана В.

В большинстве магазинчиков темно, лишь в некоторых горит свет – их владельцы порно трудятся. Часы на дельней стене пельменной уверяют, что сейчас без десяти четыре. Раннее утро. Если не поспешу, пропущу встречу у Старых южных ворот, где в ответ на очередной отчёт мне суровым голосом напомнят, что время уходит.

Перехожу на бег. Шнурки капюшона бьют по груди, пока я мчусь через город, лавируя среди спящих бродяг, скрюченных и закутанных в тонкие одеяла.

Старые южные ворота – самые первые и крупные ворота в Город-крепость Хак Нам. В дневное время они похожи на вход в улей, впуская и выпуская сотни людей. Почтальоны таскают сумки с конвертами. Торговцы несут связки фруктов на себе или везут их в тележках. Некоторые даже на голове удерживают

коробки. Но в часы между полуночью и рассветом здесь пусто и тихо, открытый зев во внешний мир.

Мой связной уже здесь. Стоит, прислонившись к воротам, – одной ногой в Сенг Нгои, другой – в Хак Нам. Кончик сигареты ярко пылает во тьме, освещает лицо связного, будто плавильный горн. Заметив меня, он откидывает окурок на землю и тушит его ботинком.

По бокам от ворот высятся пушки. Пережиток давних дней, когда Хак Нам был настоящей крепостью, а не логовом дракона. Когда правительство ещё не бросило его гнить и разлагаться. Пушки так сильно покрыты ржавчиной, что похожи на огромные мокрые валуны. Я приближаюсь к ним и останавливаюсь. Связной тоже не подходит.

– Ты опоздал, – говорит Цэнг, когда я бочком подхожу к дальней пушке. Последний дым выкуренной сигареты вырывается у него из ноздрей.

– Я работал.

Дождь ещё капает, поливая улицы Сенг Нгои. Потоки воды прорываются сквозь Старые южные ворота, облизывая подошвы ботинок. Я натягиваю капюшон на голову.

Связной не взял с собой зонт. Он весь промок, но будто не замечает этого.

– Как прошла вылазка? Удалось что-нибудь увидеть?

– Не особо. Лонгвей держит меня на коротком поводке.

– Так значит, его ты не видел? – спрашивает Цэнг.

Я стискиваю зубы. Мне хватает давления и без этих язвительных вопросов.

– О да, конечно. Сразу после массажа ступней Лонгвей сам вручил его мне. Торжественно, на блюдечке.

– Хватит паясничать, Дэй, – рычит он. – Много поставлено на кон. Жизни. Карьеры.

Без огонька сигареты по лицу Цэнга сложно что-то прочесть. Меня это не радует.

– Сомневаюсь, что Лонгвей позволит мне спокойно разгуливать по борделю. Если хотите знать планировку, спросите посла Осаму. Чёрт, да если нужно, вы сами спокойно можете туда сходить и снять девочку.

– Чем занимается здесь посол – не наше дело. Ты сейчас не в том положении, чтобы пятнать его честь. – Связной достаёт из кармана пальто блестящий портсигар. – Говоришь, не можешь выполнить задание?

– Нет, – быстро отвечаю я. – Я нашёл другой способ. Девушку. В борделе.

– Одну из шлюх?

Шлюха. Раньше это слово никогда меня не смущало. Но почему-то сегодня пальцы дёргаются, нервно отстукивая ругательства азбукой Морзе.

– Да. Одна из девочек Лонгвея.

Связной хмурится и зажимает зубами сигарету. Свободной рукой он достаёт зажигалку.

– Что ты ей сказал?

– Ничего. Ей известно, что мне необходима информация о Братстве, но не почему и какая именно, – отвечаю я.

– И ты правда думаешь, что сумеешь её разговорить? Это чертовски рискованно. – Ему приходится трижды щёлкнуть зажигалкой, чтобы пламя переметнулось на кончик сигареты.

– Здесь в принципе рискованно, – язвлю я в ответ.

– Ладно. Своей же задницей рискуешь, – говорит он. Будто бы я сам не знаю. Будто не думаю об этом каждую свободную минуту. – Проверь шлюху. Спроси что-нибудь простое, чтобы убедиться, можно ли с ней иметь дело. Что-нибудь нам уже известное, чтобы понять, не выдумывает ли она.

– Я именно это и собираюсь сделать. – Ненавижу, когда он разговаривает со мной, как с идиотом. Будто это не я учился в самых лучших и дорогих школах Сенг Нгои. – Но ей нужен стимул.

Неподалёку от нас по улице Сенг Нгои, пыхтя, проезжает автобус. Мы с Цэнгом застываем, наблюдая, как его большие освещённые окна проносятся мимо. Лица единственных пассажиров – взъерошенного студента и иностранного туриста с огромным рюкзаком – прислонены к стеклу. Ловят хоть несколько драгоценных минут сна с открытым ртом.

Цэнг ждёт, пока автобус свернёт за угол, и только тогда продолжает:

– Например?

– Вытащить её оттуда. В целости и сохранности.

– Этого я гарантировать не могу. Логвейские шлюхи будут наименьшей из наших проблем, когда всё дерьмо вылезет наружу. Я уже перешёл все границы с обещанием тебе...

– И что мне сказать девушке?

– Что угодно, – смеётся связной. Сигарета вздрагивает, испуская дым и роняя пепел в лужу у его ног. – Всё, что поможет её разговорить.

– Хотите, чтобы я лгал? – Теперь дрожит уже вся рука, приходится сжать пальцы в кулак, чтобы унять её.

– Что? Совесть проснулась? – усмехается Цэнг. – У тебя...

Опускаю взгляд на буйную реку под ногами, поток грязи и мусора. Полусгнившая апельсиновая кожура бодро проносится мимо моего ботинка следом за

субстанцией, чертовски напоминающей человеческие отходы.

Всего лишь ещё один шаг. Мой билет отсюда.

Соврать ей не должно быть сложно. Ведь последние два года своей жизни я только и делаю, что лгу. Не должно... но я вспоминаю пылающие щёки девушки и напряжение в её голосе. Внутри всё переворачивается, извивается, как крыса, которую держат за хвост.

- Тебе что-нибудь нужно? - спрашивает связной. - Пока я не ушёл.

Что-нибудь. Всё. Я думаю о голосах, которые звучали за окном девушки, за стеклом и красной тканью. Сразу после того, как она задёрнула занавеску. Голос девушки был похож на пение соловья, пойманного и посаженного в клетку. Одного из тех, которых владельцы держат на крышах. А Осаму звучал как эгоистичный ублюдок.

- Принесите ракушку, - прошу я связного. - Только хорошую.

- Издеваешься?

- Нет, правда. Мне нужна ракушка.

Мне нужно, чтобы девушка за решёткой поверила мне. Нужно дать ей то, чего нет у Осаму. Сделать так, чтобы внутренности мои перестали болезненно сжиматься.

- Что-нибудь ещё?

Качаю головой.

- Отлично. Завтра. В то же время. Будет тебе ракушка.

- Не забудьте. - Я даже не пытаюсь избавиться от рычащих ноток в голосе.

Связной ныряет под завесу дождя, в Сенг Нгои. Я смотрю, как он уходит, пока не остаётся только призрачный огонёк сигареты, мерцающий вдали. И даже когда он исчезает, я продолжаю смотреть, сохраняя в памяти вид своего старого города. Широкие ровные улицы. Целые стёкла дверей и окон. Разноцветные неоновые огни, рекламирующие всё: от танцев и напитков до ювелирных украшений и маникюра. Урны на каждом углу.

Стою и смотрю, пока тьма улиц не начинает прорастать в моей груди. Только тогда я отталкиваюсь от пушки и ныряю в мрачные туннели Хак Нама. Прочь от дома.

Лавочки постепенно начинают открываться, готовясь к рассветной суете. Запахи и звуки разносятся из их дверей, заставляя мой желудок урчать. Жареный рис, овощные ролы, все виды мяса, лапша со специями и чеснок. Торговцы обмениваются утренними приветствиями, ингредиентами, блюдами. Большинство из них кивает, когда я прохожу мимо, зазывая попробовать их еду.

- Похоже, сегодня утром тебе не помешает порция угря, Дэй-ло!

Я каждый раз едва заметно морщусь от этого прозвища, такого близкого к настоящему. Старший брат. Они не со зла называют меня так, но прозвище всё равно больно жалит. Всегда. Напоминает о том, чего больше нет.

- Питательно! - продолжает торговец. - Идеально для зимы!

- Какой угорь? - хмурится лавочник на другой стороне улицы, указывая на свою дымящуюся кастрюлю. - Тебе нужен суп из змеи, для силы и ловкости!

Третий торговец смеётся:

- На завтрак? О нет, Дэй-ло! Возьми рисовую кашу и чай. Они улучшают пищеварение!

Как бы каша ни улучшала пищеварение, сегодня утро булочек. Я понимаю это, стоит только ароматному дымку с запахом теста, свинины, сои, имбиря и мёда подобно горячему золоту разлиться в воздухе. Смотрю на господина Куна, достающего противень со свежими ча сиу бао из жаркого зева печи.

Он понимающе улыбается.

- Три?

- Сегодня шесть.

Обычно я завтракаю в одиночестве. Я всегда ем один. Но перед глазами встаёт Цзин, похожий на скелета в алом свете борделя. Пацану нужно лучше питаться, а мне - чтобы ему хватало сил быстро бегать, спасая меня от ножа Лонгвея. К тому же, стоит убедиться, не порвал ли Куэн на клочки его палатку.

Господин Кун снимает с противня шесть кругляшей из теста и закидывает из в бумажный пакет.

- Хорошего тебя дня, Дэй-ло.

Киваю, мечтая, чтобы его пожелание исполнилось. Но есть у меня ощущение, что Пятнадцатый день будет таким же, как и все остальные до него.

ЦЗИН ЛИНЬ

Струи дождя проникают в убежище. Я промокла и вся дрожу: пальцы, ноги, даже зубы стучат от холода. Скидываю одежду и пытаюсь не обращать внимания на ужасную дрожь. Только повязка по-прежнему плотно перетягивает грудь, удерживая нож. И оранжевый конверт с деньгами.

Чма воеет, вцепляясь когтями мне в колени, когда я устраиваюсь поудобнее. От его тепла дрожь утихает. Я накидываю одеяло на плечи и смотрю, как дыхание моё превращается в воздухе в пар. В тишине тёмной ночи я не могу не думать о торговце нефритом. Было столько крови. Интересно, где он сейчас? Зашили ли ему рану от моего ножа? Или торговец истёк кровью прямо на рынке?

«Вариантов не было: либо мы, либо он, - говорю я себе. - Рана на руке взамен двух жизней. Честный обмен».

Мы. Как давно я не использовала это слово? Ни разу с тех пор, как Жнецы выдернули сестру с нашей бамбуковой циновки и увезли её, а я могла лишь смотреть и кричать. Слабая, двенадцатилетняя девочка против стольких мужчин. Я не могла им противостоять. Не могла остановить их.

С тех пор есть только я. Меня никому тормозить. Никому предавать. Мне никого защищать.

Но сейчас выбора нет. Если хочу и дальше искать сестру, нужно работать с Дзем. От мысли этой мне становится не по себе, но не всё так плохо. Приятно поговорить с кем-то, чей словарный запас чуть шире простого «мяу»...

...

В сознание меня возвращает звук шагов. На улице ещё темно, но тело словно одеревенело, а значит, я всё же спала. Удивляться нет времени – кто-то идёт.

– Цзин?

Сердце замедляется, переставая мчаться, как загнанный кролик. Это всего лишь Дэй. Снова.

– Чего тебе надо?

– Ты не переехал, – говорит он.

– Был слишком занят, – отвечаю я.

Но это не так, – понимаю я, как только слова срываются с губ. Просто я не боюсь Дэя.

– Я был почти уверен, что ты сбежишь отсюда.

В панике я вспоминаю, что не одета, и едва успеваю натянуть влажную одежду, когда в прорези палатки появляется голова Дэя.

- Мне не спалось. Добыл нам завтрак.

Сквозь вонь плесени, стоящую в палатке, прорезаются новые запахи. Чудесный аромат. Теста и сладкой свинины со специями. Рот наполняется слюной. Голод, всегда сидящий во мне, потягивается. Рычит.

Но зачем Дэю тратить кровно заработанные деньги на завтрак для меня? Я даже сама себе никогда не покупаю еду. Деньги, если они у меня есть, идут на брезент и ножи. Их сложнее украсть.

- В чём подвох? - спрашиваю я.

- Никакого подвоха. - Взгляд Дэя опускается ниже, и я понимаю, что до сих пор не вытащила руку из-под туники, в любой момент готовая достать нож. На чистом инстинкте. Я убираю руку. Оставляю оружие под одеждой. - Считаю это благодарностью за то, что спас мне жизнь у Лонгвея.

- Ты знал, что он ищет постоянного посыльного?

Смотрю, как Чма подкрадывается к Дэю. От запаха мяса он издаёт низкий протяжный вой.

- Нет. Лонгвей обставил всё так, будто это сделка на один раз. Я понятия не имел, что он нас проверяет. - Дэй просовывает в прорезь пакет с едой и помахивает им. Вой Чма становится громче, кот замахивается лапой на коричневый бумажный пакет: Мяуё-о-о-о. - Ну же, пойдём. Поедим булочек.

- Куда?

- Не можешь ты без вопросов. - Он закатывает глаза и вылезает из моей самодельной палатки. - Идём. Дождь уже закончился.

Мгновение я смотрю сквозь прорезь. В тёмный холод улицы. Тело до боли желает сна, желает вернуться под одеяло. Но булочек хочется сильнее.

Я иду следом за Дэем в самый конец переулка, петляя среди углов и изгибов убогих лачуг. Мы поднимаемся всё выше и выше - вверх по ступеням, через

переходы с облупившейся краской и пятнами плесени, по мостикам из бамбука, скреплённого проволокой. Я держусь от парня на расстоянии, готовая в любой момент выхватить нож. Он минует очередной узкий переход, и мы оказываемся у ржавой металлической лестницы. Поднимаю голову, и у меня перехватывает дыхание. Там, наверху... ничего нет. Лишь далёкое тёмное полотно неба. Если приглядеться, можно даже увидеть парочку звёзд. Они бледные и тонкие. Сломленные. Во всех созвездиях – как в настоящих, так и в выдуманных лично мной – не хватает какого-нибудь кусочка, вырванного сокрушительным присутствием города.

Поднимаюсь по лестнице вслед за Дзем. Когда я забираюсь наверх, парень уже успевает отойти довольно далеко, вихляя среди сушилок с вещами. Через лес антенн. Подойдя к краю, Дэй садится и свешивает вниз ноги, пакет стоит сбоку от него. Всего один толчок, сильный порыв ветра – и парень полетит навстречу верной смерти. Он либо невероятно храбр, либо совершенно безрассуден.

Не уверена, что именно.

– Иди сюда, садись, – зовёт он через плечо.

Я подхожу ближе. Огни Внешнего города ярко сияют, словно упавшие на землю звёзды, оставшиеся на улицах и проулках. Как те, на которые мы с Мэй Йи смотрели ночами. В некоторых небоскрёбах тоже до сих пор горят огни. Снова звёзды, они пытаются забраться наверх, домой. Вернуть созвездиям отсутствующие кусочки.

– Как же давно я их не видела, – говорю я, опускаясь рядом с парнем. Он тоже смотрит на звёзды.

Тишину разрезает шелест открываемого Дзем бумажного пакета. От легкого прикосновения к локтю я едва не подсакиваю. Но это всего лишь Чма трётся мордой о мой рукав. Не представляю, как он сюда забрался, но кот не в первый раз оказывается в совершенно невероятных местах.

– Иногда я поднимаюсь сюда. Когда становится совсем тошно от того, что творится внизу. – Дэй достаёт булочку и подталкивает пакет ближе ко мне. Я и не против. – Мне порой нравится вспоминать, что над головой есть небо.

– Вон там моё любимое созвездие. – Я указываю на кучку более ярких звёзд, венчающих верхушку одного из небоскрёбов Сенг Нгои. – Оно напоминает мне серп.

Дэй вскидывает голову и щурится, в новом свете глядя на скопление звёзд.

– Своеобразное описание Кассиопеи.

– Что такое Касипея? – Слово ощущается на языке скользким угрём. Я точно в нём ошиблась.

– Кассиопея? Она была царицей. Давным-давно, в далёкой-далёкой стране. В легенда говорится, что она была удивительно красива, но очень горделива. Слишком. Она разозлила каких-то богинь и навечно застряла на небесах.

Я вновь смотрю на созвездие, пытаюсь увидеть в нём прекрасную королеву. Но с неба на меня смотрит лишь серпообразный изгиб лезвия. Тяжёлые, мучительные часы под палящим солнцем. Может, Дэй всё выдумал?

Может. Но есть в его словах что-то такое, что заставляет меня поверить. Пожелать запомнить. Кассиопея. Я впитываю в себя это имя. Историю, которую скрывают звёзды.

– Откуда ты это знаешь?

– Я... неважно. – Парень тянется за булкой, а замечает Чма, прижавшегося к его боку. Он трётся и мурчит, умоляет взглядом: прошу, покорми меня. – Привет, кот.

– Его зовут Чма.

Я разламываю булочку. Из треснувшего теста сочится золотистая подливка. Горячим ручейком сбегает по моей руке. Мясная начинка ещё горячая, слишком горячая, чтобы не обжечься. Так что я вгрызаюсь в тесто.

– Чма... Где ты взял такое имя?

– Не у тебя одного аллергия. Он тоже часто чихает. – Я бросаю кусочек теста в сторону Чма. Он так плавно отлепляется от колена Дэя, как может только представитель семейства кошачьих: гордо и безумно достойно. – Ну, понимаешь? Чма-чма!

Взгляд у парня такой же испепеляющий, как у кота.

– Чма-чма? Не апчи? Не ачху?

– Коты чихают не так, как люди!

– Ладно. – Дэй откусывает от булки, но даже с полным ртом заметно, что он ухмыляется. – Как скажешь.

– Клянусь, это звучит именно так, – бормочу я и кидаю на кота вопросительный взгляд. Чихать он явно не собирается. Вместо этого Чма обнюхивает крышу в поисках оставшихся крошек.

Едим мы быстро. Каждому достаётся по три булочки. Когда они заканчиваются, живот мой почти полон. Я похлопываю по нему ладонью, слизывая мясной сок с пальцев другой руки. Чма подкрадывается к пустому пакету. Осторожно забирается внутрь: голова, плечи, тело. Только машущий хвост торчит наружу.

Небо светлеет. Нет больше звёзд – лишь постепенно тающая темнота. Всё время, пока ели, мы молчали, я почти забыла, что Дэй сидит рядом. Что я не одна.

– Почему ты здесь? – Я подскакиваю от неожиданности, когда мой спутник внезапно начинает говорить. – Ты хороший воришка. Не говоря уже о том, что чертовски сообразительный. Ты бы мог неплохо промышлять в Сенг-Нгой. Почему остаёшься на территории Лонгвея?

Я никогда и никому не рассказывала о сестре. Даже Чма. Говорить о ней слишком больно.

– Я пока не готов уйти.

Честно, больше нечего ему сказать. Я не знаю ответа. Не знаю, где моя сестра. Не знаю, что буду делать, когда найду её. Куда мы пойдём? Что будем есть? Как жить?

– А ты? – спрашиваю я, заталкивая беспокойные вопросы в самый дальний и пыльный уголок сознания. – Почему здесь ты?

Дэй устремляет взгляд на Внешний город. Приближается рассвет. Мерцает яркими, чистыми цветами между башнями небоскрёбов: лиловым, как лепестки лотоса, серовато-розовым, как язык Чма, и голубым. Как же много голубого!

– Мне больше некуда пойти, – отвечает Дэй. Жажда, такая же, как в первую нашу встречу, вспыхивает в его глазах. Мерцает в свете солнца и городских огней. Тянется к небоскрёбам. К морю позади них.

– Ты выглядишь как человек, который не нуждается в деньгах. – Я смотрю на пакет, в который с головой зарылся Чма. Мясные булочки – недешёвое удовольствие. – Почему не переедешь?

– Всё не так просто.

В словах Дэя скрывается прошлое. Интересно, это как-то связано с его шрамом? С причиной, по которой он соглашается жертвовать жизнью, пока я работаю посыльным? Но невозможно будет спросить его об этом, не получив вопросов в ответ. А я не хочу, чтобы этот парень со шрамом и множеством тайн лез в мои воспоминания.

Не настолько я ему доверяю.

Где-то у нас над головами проносится самолёт, заглушая слова Дэя душераздирающим гудом. Горячий воздух струёй вырывается из его турбин. Треплет наши волосы. Бьёт в спины.

Дэй сидит так близко к краю. Слишком близко. Когда поток воздуха ударяет по нам, я вскидываю руку. Хватаюсь за край его толстовки. Движение, целиком состоящее из скорости и инстинктов. Так же неосознанно я всегда хватаюсь за нож.

Самолёт исчезает, а пальцы мои по-прежнему впиваются в мягкую ткань толстовки Дэй. Он всё так же сидит на краю, прочно и спокойно. Опускает взгляд на мою руку. Лицо теряет краски, становясь всё бледнее, бледнее, бледнее.

– Прости. – Я разжимаю пальцы. Привычно скрещиваю руки на груди. – Мне... мне показалось, что ты сейчас упадёшь. Просто пытался тебя удержать.

Дэй не отводит от меня взгляда. Так же, как в тот день, когда мы встретились у борделя Лонгвея. Он словно смотрит на меня, а видит что-то – кого-то – другого.

А потом моргает. И наваждение рассеивается.

– Обычному самолёту не скинуть меня с крыши, – уверяет парень. – Ты всегда такой заботливый?

Опускаю взгляд на свои обнажённые руки – слишком белые после двух лет без солнца. Кожу покрывают шрамы. Блестящие линии и круги. Истории, которые кулаки отца оставили по всему моему телу. Истории, которые он собирался рассказать и Мэй Йи. И маме. Я никогда этого не позволяла.

Я вспоминаю тот день, когда нашла Чма – маленького дрожащего котёнка, которого шайка беспризорников пинала, как футбольный мяч. Их было больше меня. Четверо на одну. Но мне было плевать.

Я никогда не могла сидеть, сложа руки, и просто смотреть. Не сдавалась без боя.

– Хорошее качество. – Дэйю не нужен ответ. Руки его сейчас не в карманах, а крепко сжимают край крыши. Фаланги так напряжены, словно вот-вот сломаются. – Мой брат был таким.

– У тебя есть брат?

Он снова часто моргает. Словно только сейчас понял, что сказал мне. Случайно выдал секрет.

– Он... его больше нет.

Больше нет. Как и Мэй Йи.

Возможно, у нас с Дзем куда больше общего, чем я думала.

Солнце восходит быстро. Напоминает мне, что мир состоит не только из серого потрескавшегося бетона. Его оранжевое пламя облизывает здания. Охватывает мир огнём. Всё вокруг меня, всё, чего касаются солнечные лучи, прекрасно.

– Я всегда хотел брата. – Не знаю, почему вдруг говорю это. Может, виной всему булочки в животе? Или тепло солнца на коже? А возможно, я просто чувствую, что задолжала Дэю ответный секрет.

– Почему? – спрашивает он.

– Потому что тогда жизнь была бы совсем другой.

Мой нос не был бы смещён, сломан. Мама бы улыбалась, а поля процветали. Отец не продал бы Мэй Йи ради денег на выпивку. И у меня бы всё ещё была семья.

– Забавно, – говорит Дэй. – Иногда я желаю того же. Только наоборот.

Я не понимаю, что парень имеет в виду, пока он не продолжает:

– Порой... порой мне хочется, чтобы брата никогда не существовало. Потому что тогда жизнь была бы совсем другой.

Минуты мы оба молчим. Смотрим на жёлтый диск солнца. Мечтаем о другой жизни.

– Но всё наоборот. – Дэй сминает бумажный пакет в шар. Швыряет его далеко-далеко. – Всё наоборот. И мы делаем всё, что можем. Продолжаем бороться. Выживаем.

Я наблюдаю, как падает пакет. Вниз, вниз, вниз. Пока совсем не исчезает, поглощённый раскинувшимися внизу улицами.

ДЭЙ

Цзин ушёл – и кот вместе с ним. Исчез в лабиринте лестниц и переулков Хак Нама. Отправился отсыпаться в своё ветхое убежище.

Я впервые привёл кого-то сюда, в своё место для раздумий. Сюда я прихожу, когда совсем падаю духом. Сажу на самом краю Хак Нама и обвожу шрам на руке. Вновь и вновь.

Не делай этого, Дэй! Ты не такой. Ты хороший.

Последние слова брата плывут по ветру, заполняя пустое пространство, где недавно сидел Цзин. По небу проносится очередной «Боинг-747». Его след треплет мне волосы, бьёт по барабанным перепонкам. Только шум, только его я должен слышать: молекулы расщепляемого воздуха кричат, навсегда разлучаемые друг с другом.

Я всеми силами стараюсь от него сбежать – забыть всё, что было с нами, – но призрак брата преследует меня. Даже днём пробирается в мою жизнь в лице Цзина, в его движениях. Пацан даже в ночное небо смотрит с тем же блеском в глазах. Интересно, что бы Цзин сказал о медном телескопе моего брата или об атласе звёздных карт, который он зачитал до дыр, когда собирался стать космонавтом? Брат всегда засиживался допоздна, вырывался босиком на балкон в своей спальне и бормотал о новых изученных созвездиях, если я оказывался слишком близко. Я всегда притворялся, что мне совсем не интересно, но что-то в памяти оставалось. Кассиопея, например. И сожаление.

А когда пацан схватил меня за толстовку, не позволяя упасть... так же брат пытался остановить меня той ночью. Те же огромные глаза. Плотно сжатые пальцы.

Голос брата продолжает витать в воздухе, кружиться, тянуться ко мне, рвать когтями. Снова пытается меня остановить.

Не делай этого, Дэй!

– Выметайся из моей головы! – кричу я, стремясь избавиться от воспоминаний. Насколько же лучше, когда на меня накатывает амнезия и лишает всех чувств.

Вместо брата думаю о пацане. Какая-то часть меня жалеет, что я привёл сюда Цзина. Что купил ему завтрак. Начал заботиться. Чертовски рискованный план гораздо легче исполнить, если мои помощники – всего лишь шахматные фигуры. Гладкие обезличенные пешки. Не голодающий уличный мальчишка и запертая в клетке борделя девушка, чьи прекрасные глаза выворачивают меня наизнанку. Показывают меня самого.

Ты не такой.

Мёртвые почти не спят. Так же, как и я.

Зажмуриваюсь и ощущаю, как ветер швыряет мне в лицо истории, истории этих гниющих зданий. Я не вижу бездну у себя под ногами, не вижу небоскрёбы, пронзающие утреннее небо.

Ты хороший.

Как бы я хотел, чтобы брат оказался прав.

Но это не так. И теперь вместо того чтобы мечтать о невесомости и отпечатках сапог в лунной пыли, он покоится в шести футах[1 - Примерно 2 метра, средняя глубина могилы.] под землёй. Разбит вдребезги, ремонту не подлежит... как и всё, что попадает на моём пути.

14 дней

МЭЙ ЙИ

Со времени последнего визита посла моя жизнь словно замирает. Дверь по-прежнему заперта, а единственный человек, которого я вижу, это Инь Ю. Каждый день она приходит, чтобы прибраться у меня в комнате, забрать грязную одежду и повесить в шкаф новые шёлковые платья. Тайком она приносит и кое-что ещё: вышивку, вязкие рисовые батончики, сплетни от других девочек. Всё, что может хоть немного разбавить бесконечно тянущиеся часы.

– Сколько ещё? – спрашиваю я её. Неважно, из чего сделаны стены, из шлакоблока или слоновой кости, они всё равно давят на меня. – Мама-сан что-нибудь говорила?

Инь Ю косится на дверь. Ей нельзя со мной говорить.

– Не знаю. Сняк у неё на лице от удара хозяина ещё не зажил.

Сняк ещё не зажил. Сколько времени прошло с того дня? Несколько недель? Месяцев? Пара дней?

– Это не может длиться дольше, – говорю я, не подумав.

Инь Ю подходит ещё ближе в моей кровати, делая вид, что поправляет простыни и взбивает декоративные подушки.

– Я несколько раз была в комнате Синь. Всё плохо, Мэй Йи. Очень плохо. Ей продолжают колоть наркотик...

На последнем предложении голос её срывается. Я слышу в нем готовые вырваться слёзы.

Когда Инь Ю уходит, я отодвигаю занавеску и выглядываю в окно. На улице темно. Всегда темно. Я сижу и смотрю на своё отражение, разрезанное решёткой, пока всё перед глазами не начинает расплываться.

Парень больше не приходил. Первый день тишины я пыталась понять, почему он не вернулся сюда, к окну. Его могли ранить. Он мог забыть обо мне.

Я сама тоже пытаюсь забыть парня. Но его лицо всё ещё здесь, отпечатывается на закрытых веках, такое же отчётливое и ясное, как той ночью. Его взгляд проникает в самую душу, разжигает огонь в моей груди. Он так разительно отличается от взгляда посла, как вино и вода. Я пьянею от одних только мыслей.

Но мне прекрасно известно, к чему приводит опьянение. Я стирала кровь Цзин Линь после бессмысленных нападок отца. Видела, как засыхали потёки на коже Синь после пьянящего глотка свободы.

Если я хочу лучшей жизни, стоит забыть о вине.

Тук-тук.

Я лежу, укутанная одеялом и ночью, когда окно принимается дрожать. Шептать на хрупком языке стекла:

Тук-тук. Тук-тук.

Я долго пыталась заснуть. Голову затягивает туман, заполняют наполовину сотканые сны, в которых я заплетаю в косы прекрасные длинные волосы Цзин Линь. Сначала я не могу понять, настоящий ли этот стук или я так отчаянно желала этого, что призраки заполняют серое вещество моего мозга.

Но отодвинув алую ткань, я встречаюсь с горящими тёмными глазами.

– Вот и ты, – говорит парень.

Едва не вздрагиваю, когда утыкаюсь носом в металлические прутья. Я даже не представляла, насколько близко подвинулась к окну.

– Я думала, ты не вернёшься.

– Я был... кое-чем занят, – кривится он.

– Выглядишь усталым.

Не знаю, почему вдруг говорю это. Но я не лгу. Под глазами его, от ресниц до высоких скул, залегла тень. Послу я бы ни за что не рискнула так сказать. Возможно, всё дело в безопасности, в преграде из металла и стекла между нами? Или в жаре углей в моей груди?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Примерно 2 метра, средняя глубина могилы.

Купить: https://tellnovel.com/ru/grodin_rayan/gorod-krepost

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)